

От автора "Записок социопата"

Сполохи детства

Степан Калита

Степан Калита

Сполохи детства

«Автор»

2014

Калита С.

Сполохи детства / С. Калита — «Автор», 2014

От автора «Записок социопата». Детство проходит и остается сполохами в памяти, причудливым оттиском воспоминаний о людях, их судьбах, о твоём собственном восприятии, которое совсем ещё юное – и потому порой подводит. Автор с присущим ему чувством юмора рассказывает серьёзную, но чаще полную иронии историю своего взросления и открытий, которые делает каждый из нас, проживающих данную то ли насмешливым богом, то ли печальным чертом жизнь... При этом на пути маленького Степана встречаются самые разные люди – плохие и хорошие, забавные и страшные, опасные и те, без которых невозможно представить существование. Эта книга – путь автора к самому себе, и откровенное разоблачение перед читателем.

© Калита С., 2014

© Автор, 2014

Степан Калита

Сполохи детства

Все счастливые алкоголики счастливы одинаково, все несчастные ведут себя очень по-разному. Мой биологический отец был несчастлив, и пил очень нехорошо. Алкоголь был его главным и единственным увлечением. Поначалу отца еще интересовали книги. Только детективы и фантастика. Но потом и к книгам он остыл. От постоянной неудовлетворенности жизнью (откуда ей было взяться?) он то и дело впадал в буйное помешательство. До белой горячки дело не доходило, но, выпив, он становился агрессивным, терял контроль над собой, и избивал мать.

Моя память включилась слишком рано. И потому из нее, к несчастью, так и не стерлись досадные эпизоды неправильного детства. Я помню, как просыпался от криков. Как выбегал из спальни, шлепая по линолеуму босыми ножками. И кидался на отца, трясущего мать, как тряпичную куклу, с кулаками. У него было красное перекошенное лицо, и пахло от него всегда перегаром. Он отбрасывал меня одним ударом, и я летел через коридор, и падал. А мать кричала надрывно: «Не смей! Не смей бить ребенка, подонок!»

Мне было больно. Я скрывал синяки от воспитателей, опасаясь, что меня заберут из семьи, и отдадут в детский дом. Об этой страшной возможности мне как-то раз поведала мать. Подозреваю, для нее было важно, чтобы я скрывал происходящее. И я скрывал. Ночью глотал слезы обиды и страха, и в конце концов засыпал, думая о том, что вырасту – и убью отца.

На следующий день все повторялось снова... И я опять, преодолевая страх, кидался на защиту матери... И получал свое.

Однажды случилось то, что и должно было случиться. В очередной раз надравшись, он убил ее, пырнул ножом. Но врачи в наше время творят чудеса. Она должна была умереть, но не умерла. И в больнице через некоторое время ее оживили. Вырезав, правда, некоторые пострадавшие внутренние органы.

Отец вскоре после клинической смерти и операции матери объявился. Прилетел, как ангел смерти к недобитой жертве. И она, удивительное дело, решила его простить. Он умолял, клялся, что все осознал. К счастью для меня, да и для матери, она все же передумала – под давлением одного из врачей. Он четко обрисовал ей перспективу.

– Хочешь умереть, – сказал он, – вперед...

Умирать мать не хотела. И осталась жить.

За пару месяцев до больничного кошмара она подарила мне мечту – собаку, щенка спаниеля. Обожаемое теплое существо согревало меня, когда было особенно невыносимо.

Пока мать лежала в больнице, заботу обо мне взяла на себя бабушка. Я переехал к ней. Но собаку она приютить отказалась наотрез. Но я ждал, каждый день ждал, встречи – со *своей* собакой. Не зная, что отец уже продал щенка, потому что заботиться о собаке не собирался. Да и деньги были нужны на выпивку.

У подонков очень низкий душевный порог. Чаще всего они понятия не имеют, что причиняют страдания другим. Хотя есть и такие – кто причиняет их намеренно. Но мой отец действительно не понимал, что делает что-то не так. Даже увечья, нанесенные матери, он не считал смертным грехом. Просто – так получилось...

Когда мне уже было лет четырнадцать, он вдруг объявился на пороге. Привез краденый мопед.

Скрывать, что мопед сперли его сомнительные знакомые, папаша не собирался.

– Лучше это... на природе только на нем катай, Степк, в городе не надо, – сказал он, распечатал пачку сигарет, протянул мне, – куришь?!

– Нет, – я помотал головой.

Встреча с отцом меня обескуражила. Слишком неожиданным был визит. К тому же, он вел себя так, как будто мы расстались только вчера, а не десять лет назад.

– Это ты мамке рассказывай, что не куришь, – он почесал шею, и я увидел, что на горле у него длинный шрам, словно заштопанный грубыми нитками – очень неаккуратно. Как выяснилось позже, его полоснули бритвой по горлу в тюрьме – и там же зашили. – Кури давай! Чего как маленький?!

Я послушно взял сигарету, затянулся. Время от времени мы с ребятами из района курили папиросы «Любительские», «Яву», «Полет» и «Беломор». Так что мне было не первой.

– А ты красивый парень вырос, – сказал отец, – бабы тебя любить должны.

Он всегда был помешан на женщинах. Периодически таскал меня к разным девицам, обещая: «Три мороженных тебе, Степка, если матери ничего не скажешь!»

Иногда я играл с детьми чужих теток у них в квартирах, пока отец развлекался. Иногда гулял во дворе, размышляя о том, что «три мороженных – пожалуй, мало будет, попрошу четыре». Иногда мы заезжали к тете Лиде в автопарк. Я собирал тяжелые шарики от подшипников между гаражами, а отец запирался с тетей Лидой в подсобке. Потом нас подвозили на грузовике. Тетя Лида была большой начальницей.

Отец в молодости был очень красив. Похож на вечно пьяного Алена Делона. Темноволосый с пронзительными голубыми глазами и правильными чертами лица. При этом выражение лица у него было холодным и злым. Моя бабушка, энтомолог, сравнивала отца с прекрасным насекомым. «Природа постаралась, – говорила она, – создала совершенную внешность. Но за ней ничего нет».

Я давно уже вырос, много всего прошел в этой жизни, но ночами мне иногда снится один и тот же сон. Я ничтожно маленький, крохотный, стою посреди коридора – того самого, как в детстве. А на меня надвигается массивная темная фигура. Не видно лица, непонятно, кто это. От фигуры веет ненавистью. И я чувствую, что вот-вот этот некто, состоящий сплошь из чернильного мрака, ударит меня в лицо. И тогда мне станет больно. Очень больно. Но я должен

стоять до конца. И я стою. Но потом тень накрывает меня, и я не могу дышать. И просыпаюсь в поту. Так выглядит мой главный ночной кошмар...

От курева, которым угостил меня отец, помню, сильно закружилась голова.

– Хочешь шампанского? – предложил он. – Я сегодня при деньгах. В винный схожу, куплю...

– Ты мою собаку продал, – процедил я сквозь зубы.

– Какую еще собаку? – удивился отец.

– Мою... собаку. Пока мама в больнице лежала.

– Слушай, Степк, я ж тебе мопед привез. Ты пока еще маленький, так и знал, что не поймешь. Вот в армию пойдешь, тогда все поймешь. А пока ты ничего еще...

Я осознал, что, скорее всего, он даже не помнит, что продал мою собаку. Моего единственного друга на тот момент. Что ему, может быть, и не наплевать. Но душа у него совсем другая. Не такая, как у меня. Она холодная и пустая.

– Пошел ты на хуй со своим мопедом, – сказал я.

– Ты чего... ты чего ругаешь?! – опешил он.

Я бросил под ноги сигарету, затушил подошвой ботинка.

– Все, больше разговаривать не о чем.

– Ну, ты чего?..

– И не надо больше приезжать.

– Я позвоню.

– И звонить не надо. Не буду с тобой разговаривать.

Я ушел и хлопнул дверью.

– Весь в мать! – крикнул он вслед. – Ничего... вот в армию пойдешь, поймешь меня...

Мопед он предусмотрительно забрал.

Тот же самый упрек «весь в отца» я слышал потом от матери на протяжении всего отрочества. Пока не стал достаточно взрослым, чтобы одернуть ее однажды: «Не смей так говорить никогда!» Она поняла меня. И больше никогда не сравнивала меня с отцом. Во всяком случае, вслух.

Судьба его сложилась вполне логично. Сначала он попал в тюрьму за драку. Потом сел за кражу. Потом пырнул ножницами свою мать – мою бабушку, которую я видел очень редко – насмерть, и сел уже очень надолго. Больше я о нем ничего не слышал...

Любовь к женщинам тоже проявилась особым образом. У отца было что-то около тридцати детей. Во всяком случае, такую цифру называла его последняя жена – алкоголичка со следами вырождения на лице. Она сама родила четверых. Некоторых отец успел сделать между отсидками. Мне и в голову не приходило, что в раннем детстве я встречался со своими многочисленными братьями и сестрами. Отец строгал детей самозабвенно, нисколько не заботясь об их дальнейшей судьбе.

Многие люди ведомы по жизни одними только инстинктами – в частности, мощным инстинктом продолжения рода – разум же в деле деторождения задействуют единицы.

У меня нет никакого желания искать своих родственников со стороны отца. Родню не выбирают, но от нее, к счастью, можно держаться подальше. Я с ужасом думаю иногда, что мои девочки унаследовали тот же нездоровый геном. Мой отец умудрился уничтожить всю свою семью. Достаточно родиться одному уроду – и он способен похоронить всех и вся (не только счастливую жизнь, но и надежды на нее).

Иногда люди, имеющие подобный опыт, получают на всю жизнь прививку от алкоголизма. Но помните – все счастливые алкоголики счастливы одинаково, все несчастные ведут себя очень по-разному? Я – счастливый алкоголик. А когда несчастлив, стараюсь не пить. Это очень важное правило для того, кто не хочет спиться. Но если так случится, и я все же выпью, будучи несчастным, то становлюсь добрым и щедрым. В память об отце. Вопреки его существованию.

* * *

Всякая порода предполагает уникальный набор качеств. Подбирая себе собаку, следует четко осознавать собственную природу. Все хорошо в свое время. Например, в детстве я обо-жал леденцы. Мне все время хотелось конфет. Но не было возможности их купить. А теперь я терпеть не могу сладкое. Но могу купить себе, при желании, небольшой кондитерский цех.

По возвращении из США, где провел несколько лет, я завел спаниеля... И понял через некоторое время, что эта собака не отвечает моему внутреннему Я. Она идеально подходит детям или людям с другим темпераментом. Мы со спаниелем совершенно не сочетались. Зато дети моей сестры настолько влюбились в спаниельку за пару летних месяцев, что не желали с ней расставаться.

А мне друзья презентовали белоснежного бультерьера. Жаль, во времена моего детства о таких собаках никто еще слыхом не слыхивал. Как здорово было бы спустить Ларса с поводка, и наблюдать, как отец с криками удирает от него по улице. Но Ларс все равно настигает отца, вцепляется в лодыжку, сбивает с ног... Мы отлично сочетаемся с моей собакой.

* * *

Мы с Ларсом приехали в спальный район, где я когда-то жил. Я запарковал машину напротив новой станции метро, раньше ее здесь не было, выпустил пса, и мы отправились

пройтись по окрестностям. Миновали школу, где я учился. Новые дома, где раньше стояли хрущобы. Вырубленный парк. Пруды. И вышли в новый, недавно отстроенный микрорайон. Здесь во времена моего детства был пустырь, на котором убили Володю Камышина...

* * *

Не сказал бы, что в нем было что-то особенное. Невысокого роста, худощавый, самой невзрачной внешности. Учился Володя Камышин тоже так себе – перебивался с троек на четверки. Но была у него одна черта, которая всегда отличала его от других – упрямое чувство собственного достоинства. Именно так – «упрямое». Камышин всегда говорил правду. И слово «честь» для него было не пустым звуком. Подозреваю, это родители вбили в голову мальчика такие понятия.

– Честь, – говорил Камышин, – потерять легко, а обратно не вернешь.

Мы, выросшие без столь жесткой моральной накачки, откровенно говоря, над Камышиными посмеивались.

Эта самая заикленность на чести в конце концов Володьку и погубила.

Камышин был из семьи военного. Поэтому в детстве часто переезжал. Ему довелось пожить и на Камчатке, и в Северном Казахстане, и под Мурманском. А закончил он свое путешествие по гарнизонам страны в спальном районе Москвы. Военная карьера Камышина-старшего складывалась удачно, и вместе с новым званием он получил здесь трехкомнатную квартиру.

Володька говорил, что раньше, еще до его рождения, отец сильно выпивал. Но потом, узнав, что у него будет сын, пить зарекся. И с военной выдержкой держал обещание...

Но после Володькиной смерти мне случалось иногда видеть его отца «не в форме». И с военной службы он полетел. Так что форму тоже не носил.

Сдружились с Володькой мы на почве любви к чтению. В нашем классе было всего два ученика, читавших запоем. Помню, как мы выпаливали названия книг – и восхищенно обменивались впечатлениями. Учителям литературы очень нравилась практика чтения вслух. Они вызывали меня или Камышина к доске, и мы читали вслух – порой отрывок, а порой произведение целиком. Они же в это время могли спокойно заняться своими делами. Не покидая, впрочем, класс. Стоило учителю выйти за дверь, внимание слушателей мгновенно рассеивалось. При этом я читал слишком быстро, чем вызывал неудовольствие одноклассников. «Антонина Петровна, он тараторит! Ничего не понятно». А Володька не торопился, интонировал, по-актерски менял голос, переходя к прямой речи. За что снискал славу главного чтеца класса.

Несмотря на любовь ко вполне взрослым книгам, вроде Майн Рида, мы все еще оставались детьми. Любимым нашим развлечением было расставить в углу комнаты солдатиков, и расстреливать их медицинскими черными резинками. При этом гарнизон был четко поделен на моих и володькиных бойцов.

Я вырос из детских игр чуть раньше. И предложил Володьке как-то раз сменять целый мешок солдатиков на пару книжек Фенимора Купера. Он с радостью согласился. А вот мама

Камышина, помню, была очень недовольна. Впрочем, обратный обмен так и не состоялся. У Володьки подрастал младший брат, и она сочла, что солдатики ему тоже пригодятся. А Купер у них есть еще – в собрании сочинений...

В районной школе (которую все дружно звали «школа дураков», хотя это была обычная общеобразовательная школа) нравы царили звериные. Второкласснику зайти в туалет на втором этаже было просто опасно. Там обитали старшеклассники. Поэтому, если уроки шли на втором, все терпели до последнего. Или бежали на третий. Впрочем, и там можно было нарваться на хулиганов.

Первый класс я заканчивал в другой, хорошей, школе. Поэтому не имел представлений, куда можно пойти, а куда лучше не соваться. Помню, как впервые увидел Банду. Так они называли свою компанию. Я зашел в туалет. В нос сразу ударил резкий запах мочи, хлорки и табачного дыма. Сквозь едкое облако почти ничего не было видно. Я разглядел несколько взрослых ребят в сизых клубах. Они учились тогда в седьмом классе. Но трое из четырех были второклассниками. Один из парней сидел на подоконнике, другие стояли рядом. Я торопливо подошел к унитазу, отделенному перегородками. В советской школе, как в армии, кабинки не были предусмотрены. Условия казарменные, и к контингенту никакого доверия. Я только успел растегнуть ширинку, когда на плечо мне легла тяжелая ладонь.

– Ты поссы, пацан, поссы, – сказал некто небрежным голосом, – а потом к нам подойди...

– Ты кто? – спросил меня, когда я, робея, подошел, крепкий парень с рыжеватыми волосами и пятнами крупных веснушек на лице.

– Степа, – ответил я с замиранием сердца, чувствуя, что попал в нехороший переплет.

– А хули ты, Степа, в наш сортир пришел?

– А я... не знал, что он ваш.

– Ни хуя себе, он не знал, – Рыжий обернулся к товарищам. Посмотрел на них многозначительно. Затем снова уставился на меня. – Капуста есть?

– Что? – не понял я.

– Мамка на завтрак деньги дала?!

– У меня... ничего нет, – ответил я, чувствуя, к чему идет дело.

– А ну-ка, Самец, – попросил Рыжий, криво улыбаясь, – выверни пацану карманы.

Невысокий верткий Самец торопливо обшарил меня, выгреб мелочь.

– А говорил – нету, – Рыжий глянул на меня свирепо. – За вранье – фофан.

Он спрыгнул с подоконника, подошел и, оттянув средний палец, сильно ударил меня в лоб. От боли и обиды глаза тут же наполнились слезами. Но я не заплакал. Сдержался.

– Все, вали отсюда, – сказал Рыжий, – пока я добрый.

Самец развернул меня, подтолкнул в спину. И я оказался снаружи.

Многие словно совсем не замечают обидные вещи. Я же всегда, с самого раннего детства, очень остро реагировал на унижение. Душевная боль для меня настолько же остра, как и физическая...

Позднее я узнал, что ограбление малолетних – почти ежедневная практика этой веселой гоп-компании. Они не только отбирали у младших школьников деньги, но и всячески развлекались. Второклассников на перемене ждали прямо в коридоре возле класса.

– Так, мелкие, – командовал Рыжий, – построиться в шеренгу. По моей команде – принять упор лежа. Все отжимаемся... И раз, и два, и три... Я из вас сделаю мужиков.

И все отжимались. Кроме Володи Камышина. Вижу его сейчас, словно это было вчера. Он навсегда остался таким же, каким я его запомнил – маленьким мальчиком с упрямым и сильным характером.

– Не буду, – говорит он.

– Ну, ты, сука! – один из членов Банды, натуральный отморозок по кличке Цыганок, замахивается, и резко опускает руку... Камышин даже не вздрогнул.

– Дай-ка я, – Рыжий подходит и резко бьет моего друга поддых. Тот, вскрикнув, падает у стены.

Все четверо смотрят на Володю, посмеиваются. Проходит полминуты. Тот медленно поднимается, распрямляется, расправляет плечи – и глядит на мучителей с презрением, твердо.

Я поначалу кидался на его защиту. Но хулиганы били заступников жестоко. А сломать Камышина стало для них со временем делом чести...

– Расскажи своему отцу, – предложил я как-то, хотя сам всегда скрывал то, что происходило в школьных стенах. Но меня почти не доставали. А за Камышина взялись так, что было за него страшно.

Его каждый день поджидали после школы и били. Снова и снова. Меня тоже Банда Рыжего однажды подловила в районе. Цыганок без всякого повода ударил с размаху в лицо. Я упал. И остался лежать, приговаривая: «О-о-о, ты сломал мне челюсть». Прimitивная хитрость. И постыдная. Но она позволила мне уцелеть. Я отлично знал, эти ребята на днях выбили мальчику глаз. Другого увезли в больницу с разрывом селезенки. Мне вовсе не хотелось получить увечье. Хотелось жить.

– Отличный удар, – одобрил Рыжий. – Ладно, пойдем отсюда, пацаны.

В отличие от меня Камышин всегда поднимался. Его били – он вставал. Его били снова – он вставал снова. При этом жертвой его сделать никак не получалось. Он, словно, был выше

отморозков. Был все время избит, но не давал себя унизить. И хулиганы уже буквально охотились на Камышина. Ждали его не только возле школы, но и дежурили у дома, где он жил...

Однажды раздался телефонный звонок, и мама Володьки срывающимся голосом поведала, что ее сын домой не пришел. Поиски продолжались несколько дней. И наконец, его тело нашли на пустыре. Он был в очередной раз жестоко избит, весь в синяках, ссадинах и порезах. Экспертиза установила, что Камышина утопили в луже. Держали голову, пока он не захлебнулся. Перед смертью над ним издевались. Пытали, полосовали ножом, даже несколькими ножами, а на руке вырезали спартаковский логотип.

Я знал, что четверка упырей болела за «Спартак». В своем туалете они все стены изрисовали этим логотипом.

Вот тогда мне стало по-настоящему страшно. Издевательства, избиения, ограбления – это одно. Но убийство! Вот где настоящий кошмар. Ведь человека больше нет. Нет моего друга. А им, возможно, даже удастся скрыть, что это сделали они. Нельзя оставить все, как есть...

Я принял решение довольно быстро. Хотя было, повторюсь, очень и очень страшно. Пришел к директору школы и заявил, что знаю, кто убил Камышина.

Директор была доброй женщиной и идеалисткой – она считала, что даже самых плохих детей можно исправить. Я, признаться, уже тогда придерживался мнения, что некоторых исправит только могила. И сейчас полагаю так же. Из маленького подонка вырастает подонки большой. По-другому не бывает.

– Ты понимаешь, Степа, – сказала она, – это очень серьезное обвинение. Почему ты думаешь, что это они?

Я рассказал про спартаковский логотип и о том, как Банда преследовала Володьку.

– Это еще не доказательство, Степа, – директор покачала головой, – иди в класс.

Я вышел из кабинета в расстроенных чувствах, негодуя от того, что она, как мне казалось, не приняла мой рассказ всерьез. И столкнулся нос к носу с Самцом возле лестницы. Он глянул на меня насмешливо и подмигнул. Сердце заколотилось сильнее. А еще появилась ярость. «Эти скоты вконец обнаглели, – думал я. – Они, наверное, думают, что только они могут убивать».

Урок еще не закончился, когда в класс заглянул милиционер. И вызвал меня на разговор. У всех на глазах. Хуже не придумаешь. Его появление тут же стало поводом для всеобщего обсуждения.

– Расскажи, что ты знаешь, – попросил он.

Я вкратце пересказал свои догадки.

– То есть лично ты там не присутствовал? – заметил милиционер. – Или просто говорить не хочешь?..

– Нет, конечно. Меня там не было. Но я точно знаю, это они...

– Да я понял тебя, понял. В любом случае, спасибо за информацию. Будем проверять...

Уверен, если бы тогда милиция отнеслась к моим словам всерьез, если бы расследовала это дело качественно, а не спустила рукава, если бы всех четверых членов Банды отправили в колонию разом, все сложилось бы иначе. И для этих законченных уродов, и для их многочисленных жертв. Они еще только подрастали, формировались в закоренелых преступников и убийц. Но вкус крови уже ощутили. И прочувствовали на примере Володи Камышина, что если кто-то не сдается, его можно убить. И ничего за это не будет.

Впереди были смутные для страны времена, и у них были все шансы отлично вписаться в текущую действительность. Но сама жизнь им такого шанса не оставила. И я приложил к этому руку тоже.

* * *

Через некоторое время директор вызвала моих родителей. Она настоятельно рекомендовала перевести меня в другую школу. Как рассказала мне мама, у директора состоялся разговор с некоторыми из четверки. Она всерьез полагала, что, рассказав им все, узнает правду. Идеалист иногда хуже идиота. В ответ Рыжий прямо сказал, что меня достанет.

– А чего он на нас поклеп возводит?! – возмутился он. – Мы тут ни при делах ваше. Ничего, я ему рот заткну!

– Не смей угрожать! – взвизгнула директор. Только тогда она поняла, что напрасно понадеялась на сознательность этого типа. Но было уже поздно.

В другую школу я идти наотрез отказался. Меня уговаривали и родители, и директор. Но теперь это было дело принципа...

Развязка наступила бы гораздо раньше. Но тут Рыжий угнал машину, чтобы покататься, его поймали, и с треском вышибли из школы. А следом за ним ушли и его приятели. Они же были сплоченной командой. Готовой преступной группировкой.

* * *

Детские воспоминания – словно сполохи зари на небосклоне незрелой памяти. Сверкают здесь и там яркими отблесками былого, того, что было настолько давно, что словно и не с тобой. А затем рассвет уже созревшего сознания полностью осветит небеса – и сделает доступным все, что происходило с тобой, в любой момент земного бытия.

Большинство людей, я это точно знаю, живут, как будто, по инерции. Однажды отправившись в увлекательное путешествие по жизни, они двигаются только вперед, никогда не погружаясь в прошлое. В этом их счастье, поскольку самокопание никого, как известно, до добра не доводило, и в этом же их ущербность. Не оглядываясь назад, очень сложно осознать вечность. Во всяком случае, тот малый отрезок времени, какой мы существуем здесь, на Земле, совершенно точно – ничто в сравнении с волшебством нашей памяти. В ней можно прожить тысячу часов за мгновение. И блуждать в одном лишь эпизоде детства многие годы, проигрывая его раз за разом, как вызывающее бурю чувств кино о самом себе...

* * *

Отлично помню, как впервые обнаружил себя, то есть дозрел, и заполучил наконец самоосознание – и нашел себя в этом мире на игровой площадке в детском саду. Я раскручивал деревянную карусель, перехватывая металлические скобы. Ощущение было крайне необычным. Я понял, что непременно надо запомнить этот момент. Чтобы потом я всегда знал – это мое первое воспоминание. Отлично помню: была зима, мне было года три, я мерз в дешевеньком клетчатом пальтишке с воротником из искусственного меха.

Как и большинство вещей, оно досталось мне от двоюродного брата. Он был старше меня на два года, и вырастал из вещей как раз вовремя, чтобы не переживать, когда они переходят ко мне по наследству. В остальном, двоюродный брат рос мальчиком очень завистливым. И, приезжая ко мне в гости, старался сломать все игрушки. Чтобы у меня их было меньше, чем у него. Этот изъян в характере он, к сожалению, не изжил с годами. И отношения наши постепенно разладились уже в подростковом возрасте: он завидовал мне даже в мелочах, и никак не мог перенести даже небольшой мой успех. Сам я зависти лишен напрочь. Впрочем, столь ценное качество, как способность радоваться чужим удачам, у меня тоже отсутствует. Большинство удач окружающих мне просто-напросто безразличны. И их горести я стараюсь отбросить, поскольку меня они ранят. Всякий, кто обладает гиперболизированным самоосознанием и привык копать в недрах своей памяти, чрезвычайно зациклен на себе.

Я крутил и крутил карусель, фиксируя в памяти этот момент. Отчего-то сильно болел глаз. Я дотронулся до брови, и тут же вспомнил, что меня ударил вчера клюшкой Димка Маркин – один из двух детсадовских хулиганов. Другого, Мишку Харина, я тоже запомнил на всю жизнь. Вообще, имена из детства память странным образом сохранила. Словно хотела, чтобы со временем я вписал их в это повествование. Как будто для Димки Маркина и Мишки Харина это было чрезвычайно важно...

Следующий всполох воспоминания покажется читателю странным. Хотя всякий, если напряжет память, уверен, сможет вспомнить нечто подобное. Я гуляю с бабушкой во дворе нашего дома, и меня всюду сопровождает стая черных волков. И ворон. Волков я, будто бы, видел воочию. И они говорили со мной. Не знаю: подарок ли это причудливой детской фантазии, или волки были в самом деле, а потом я разучился их лицезреть? Но одно я знаю точно. В моих детских воспоминаниях они присутствуют. Волки везде ходили за мной. Оберегали от неприятностей. Скорее всего, детский разум порождает такие вот охранительные фантомы. Они помогают ребенку избавиться от страхов и ранних фобий. И ворон, мне кажется, я знаю, откуда прилетел в мои воспоминания. Бабушка в детстве рассказывала сказки, которые начинались всегда одинаково. «Жили-были в лесной избушке три богатыря: Алеша Попович, Добрыня Никитич и Илья Муромец. И вот сидят они как-то. И прилетает к ним ворон с заданием...» Для меня эти былинные персонажи навсегда остались жителями лесной избушки. И когда я лет в десять познакомился с былинами, то был, помнится, очень возмущен, что богатыри, оказывается, жили совсем не вместе. И не в лесу. И вообще, занимались черт знает чем – совсем не по заданию мудрого ворона.

Бабушка любила меня настолько, что почти отстранила маму от воспитания. Она сама мыла меня, сама рассказывала сказки, сама водила в детский сад... И самое раннее детство у меня связано с осязанием бабушки, с ее добрым, необыкновенно красивым и родным лицом в обрамлении белокурых волос.

Из родильного дома меня привезли в большую четырехкомнатную квартиру в центре Москвы, где жила большая семья: мой вскоре умерший героический прадед, прошедший две войны, прабабушка с не менее богатой биографией, бабушка – университетский профессор-энтомолог, дедушка – большой начальник, и мама, тогда еще студентка вуза. Хотя с отцом они к тому времени поженились, проживали мои родители пока отдельно. Впрочем, мама постоянно где-то отсутствовала, и видел я ее нечасто.

Те, кто рано заводит детей, обычно беспечны. Моему младшему брату через много лет напротив выпала на долю сверхопека. К тому времени мама многое прошла, переосмыслила, и ребенок для нее уже не был чем-то вроде неожиданно появившейся живой куклы – она чувствовала ответственность за нового человечка. Впрочем, сверхопека не всегда хороша: чаще всего она порождает бездельников, которые и в зрелом возрасте готовы сидеть на родительской шее, и не представляют себе другого способа существования.

В квартире был длинный-предлинный коридор, казавшийся бесконечным. Я носился по нему с волками, разговаривал с ними, играл. А потом гонял на четырехколесном велосипеде. Уже в одиночестве. Волки, к тому времени, постепенно растворились, не ушли совсем, а погрузились в какое-то иное измерение, чтобы оттуда наблюдать за мной – уже слишком взрослым, чтобы общаться с ними...

Однажды в Штатах, в период бурной депрессии, я допился до такого состояния, что увидел странных черных собак, круживших неподалеку. И швырнул в них пустой бутылкой из-под виски в бумажном пакете. И она вдруг пролетела сквозь них. «Фак!» – выкрикнул я, и порядком испугался. Утром я с трудом припомнил этот эпизод, сопоставил факты, и пришел к выводу, что это мои детские фантомы. Волки явились, должно быть, чтобы меня поддержать в тяжелый жизненный период. Впрочем, в мистику я не верю, так что сразу же отбросил эти домыслы. Поскольку стоит только поверить в подобные вещи, и быстро ум за разум заедет. А я слишком ценю свой ясный рациональный интеллект...

Утром я обычно бежал по коридору в комнату дедушки и бабушки – и запрыгивал к ним на кровать. Дедушка был строгим, очень мужественным, но при этом любил пошутить и посмеяться. Мне запомнилось, что он обожал розыгрыши. И веселые застолья с друзьями – их всегда было в избытке. Первые представления о том, каким должен быть мужчина, я получил не от отца, а от деда. Крепкая порода. Мускулистые руки. Поджарая сухая фигура. Впалые щеки на скуластом лице. Добрые веселые глаза. И седые усы. Дед всегда первый тост говорил за свою любимую супругу – бабушку он обожал сверх всякой меры. Почти каждый день дед приносил мне солдатиков. И демонстрировал один и тот же фокус. Ладонь разжимается. Вот она пустая. И вдруг, как по волшебству, в ней появляется солдатик. Детские воспоминания ненадежны – понятия не имею, как дед проделывал этот фокус, ведь фокусником он не был. Но в моей памяти все сохранилось именно таким образом – запечатленным в ней навсегда волшебством.

Дом, где я жил после рождения, был огромным, и заключал в себя широченный двор, где можно было гулять. Крошечным, я выходил с бабушкой. Когда стал постарше, один. Из окна детям кричали: « Степа, домой! Марина, домой! Миша, домой!» И дети откликались неизменно: «Мам, еще полчаса!» «Никакого полчаса, домой я сказала!» Времяпровождение во дворе оказывалось настолько увлекательным, что возвращаться никогда не хотелось. Дети удивительно изобретательны, когда речь идет об играх.

Хотя, к сожалению, мне случалось наблюдать и абсолютно тупых детей, чья сфера интересов очень узка. Их фантазия бедна, и они сидят целыми днями по выходным, вперившись в телевизор или в монитор. И когда их спросишь, о чем они думают при этом, они часто не способны сформулировать ответ. При этом, увы, совсем не обязательно тупые дети рождаются у тупых взрослых. Иногда в самых интеллектуальных семьях заводится такой вот тупой ребенок. И родителям приходится делать все, чтобы расшевелить его и заставить хоть как-то расширять свой кругозор, искать пищу для дальнейшего развития. Иногда получается. Иногда – все кончается печально. Дети без интересов в конце концов находят свой интерес в алкоголе или наркотиках.

Игры во дворе далеко не всегда кончались безобидно. Помню мальчика Леву. Его так ударило качелями по голове, что Леву увезли на скорой. И больше я его никогда не видел. Говорили, он получил очень серьезную травму, и больше не может ходить. С тех пор к качелям я относился с опасением. Но другие постройки меня не пугали. Однажды во дворе установили большую деревянную горку. Съехать с горки на попе в тоненьких летних шортиках было серьезной ошибкой. Долго потом бабушка доставала у меня из попы занозы швейной иглой и мазала попу зеленкой.

Полагаю, моим главным качеством в раннем детстве была удивительная сердобольность. Я обладал слишком нежной душой и столкновение с жестокостью мира меня неизменно жалило. Помню, как мучительно жалел Леву, пострадавшего от качелей. Летом на речке я увидел, как злые мальчишки надувают через соломинку лягушек. На меня произвело это такое удручающее впечатление, что я несколько дней сидел дома, не желая никуда выходить. В другой раз я нашел возле крыльца на дачном участке выпавшего из гнезда птенца дрозда. Я принес его в дом и стал кормить хлебом. Думая, что спасу его – и он улетит. Но в тот же день вечером он умер. Я прорыдал несколько часов. А потом похоронил его возле сарая. Плакал я вообще очень и очень часто. Слишком часто для мальчика. Мне достаточно было встретить на улице кошку без хвоста, и глаза тут же наполнялись слезами. «Как же она живет без хвоста?! – думал я. – Это же ужасно!» Так же тяжело на меня повлияла сказка про серого козлика, от которого остались рожки да ножки. «Бедный козлик!» – убивался я целый час, растирая по лицу слезы. Это качество – чрезмерную жалостливость я, в конце концов, в себе возненавидел. Потому что страдания мои были нешуточны и терзали меня. Тем не менее, оно никуда не делось – и живет во мне по сей день. И хотя я человек жесткий и порой бескомпромиссный, меня приводят в совершеннейшее расстройство чувств то фильм, где творится нечто несправедливое, то книга.

Я уже был подростком лет пятнадцати, ехал в метро и читал какой-то трогательный отрывок. Меня за плечо тронула женская рука. Я поднял заплаканное лицо от книги.

– Все в порядке, мальчик?! – спросила какая-то добрая женщина.

– Д... д-да, – ответил я, всхлипывая. И поскорее вышел на следующей остановке, стараясь успокоиться. Было очень стыдно.

Большинство детей, к несчастью, совсем не такие, каким был я. Они отнюдь не питают нежных чувств к мучимым жизнью кошкам, жабам и серым козликам. Напрасно родители их идеализируют. Чаще всего дети жестоки. По большей части, от того, что у них еще не сформированы морально-нравственные ориентиры, и они не осознают многих важных вещей. В этом смысле я был удивительно зрелым ребенком. Возможно, потому, что рано обнаружил себя в

этом мире, на этой планете, в этом растущем теле, способном испытывать не только физическую, но и душевную боль. Обнаружил – и понял, что люблю окружающую действительность и людей всем сердцем. Люблю, но при этом не буду предъявлять к ним слишком высоких требований, а всегда стану принимать их такими, какие они есть. Со всем их несовершенством, причудами, с удивительной способностью сопереживать и чувствовать. И даже отъявленных подонков я постараюсь понять.

И я искренне старался. Но некоторых понять так и не смог. Неправда будто бы нет черного и нет белого. Не нужно в самом отъявленном негодяе искать что-то хорошее, как советуют некоторые философы. Зло существует. Причем, в самой уродливой первобытной форме. И живет в отдельных людях. Оно всегда безразлично, малочувствительно, оно – полная противоположность зрелого интеллекта. Попросту говоря, одержимый злом человек всегда холоден и глуп. Умный, в силу своей тонкой нервной организации, не способен на зло. Просто потому, что к нему восприимчив.

* * *

Детская влюбленность выражается не одной только безобидной платонической симпатией, как порой кажется взрослым, забывшим детство, но и во вполне физиологичных проявлениях сексуальности: поцелуйчиках, обнимашках, «показывании друг другу пиписек».

Помню, как одного мальчика из моей детсадовской группы девочки обвинили в том, что он «показывал им пиписку». По их же просьбе, между прочим. Юный эксгибиционист покраснел до корней волос и от жгучего стыда расплакался. Воспитательница негодовала. Подозреваю, этот опыт помог ему навсегда усвоить – не обязательно демонстрировать то, чем тебя наградила природа, всем представительницам прекрасного пола без исключения. Потому что девочки могут быть коварны – и, не оценив твой порыв, предадут его огласке. В общем, паренька спасли от тяжелой участи в будущем.

Крайне удивленный странным поведением мальчика, я, тем не менее, представив зримо эту картину, испытал вдруг сильное волнение. Мне показалось, что это совсем неплохая идея – раздеться догола и обняться с какой-нибудь девочкой, которая мне нравится. Идея, и вправду, была неплохой. А для незрелого детского сознания и вовсе – гениальной. Но объект моей страсти пока был смутным и лишенным очертаний. Не станешь же обниматься с первой попавшейся. А вдруг она будет против?..

Уверен, подобные эмоции испытывал не я один. Между тем, идиоты, проектировавшие сады, с детской сексуальностью считаться не желали. Она для них просто не существовала. Детки уже выросли из ясельного возраста, ходили в старшую группу, и конечно, интересовались половыми отличиями у мальчиков и девочек. А туалет, тем не менее, был общий. Вот и подглядывали мальчики за девочками, а девочки за мальчиками. И познавали разницу полов в незатейливых играх. Порой – безобидных. Порой – не очень.

Не очень, когда самую красивую девочку группы, белокурого ангелочка Свету Березкину, мальчишки потащили в туалет и стянули с нее трусы, чтобы как следует рассмотреть – во всех ли местах она настолько же притягательна? Света потом отчаянно рыдала, а мальчишки, потеряв к ней всякий интерес, обсуждали увиденное. И пришли к выводу, что Березкина – то, что надо. Сам я в насилии не участвовал, но с согруппниками был согласен. «С Березкиной я бы мог обняться голышом, – думал я».

Впрочем, Света недолго оставалась первой красавицей детского сада. Однажды детей попросили принести анализы кала – «на яйцеглист». И сразу выявилось два «сифака». Так называли тех, у кого в анализах обнаружили яйца глистов. И, увы, Света Березкина была среди зараженных. Другим несчастным, в чьем организме жили глисты, поглощая за него манную кашу и компот, был всегда грустный и очень скромный мальчик по имени Дима. Он откровенно убивался из-за того, что согласился принести спичечный коробок с какашками. Но попробовал бы он его не принести! Тоталитарное государство – ничто в сравнении с советским детским садом. Точнее говоря, любое учебное и дошкольное заведение – модель государства в миниатюре.

Зачем воспитатели растрепали всей группе о тех, кто не прошел тест на отсутствие гельминтов или аскарид, для меня остается загадкой. Возможно, они просто не думали, что эта информация как-то повлияет на психологический климат детского коллектива. Что ж, они как всегда сильно заблуждались. «Сифаки» моментально стали отверженными. С ними никто не хотел общаться. И на прогулке они печально стояли в сторонке, понимая, что в животах у них поселились мерзкие черви – а значит, они больше не имеют права быть частью сообщества, чистого от паразитов.

Я с детства отличался излишней любознательностью. И, пока никто не видел, допрашивал Диму с пристрастием, желая узнать, откуда у него взялись глисты.

– Может, ты землю ел? – спрашивал я.

Дима с тихой грустью, глядя в пол, мотал головой.

– А может, у тебя дома кошка есть – и ты с ней целовался? – Познания я почерпнул у воспитательницы. Она в подробностях рассказала всем, показывая пальцем на «сифаков», почему у нормального ребенка могут возникнуть такие страшные проблемы.

– У меня нет кошки, – говорил Дима с такой убийственной интонацией, словно только домашний питомец мог спасти его от страшной тоски и разъедающего душу одиночества.

«Но откуда-то они же появились», – недоумевал я.

– Марь Иванна, – я тянул воспитательницу за рукав халата.

– Да, Степа...

– А может, глисты родились прямо в нем, в Диме?

Марь Иванна уставилась на меня с недоумением. Видимо, такая идея никогда не приходила ей в голову.

– Может быть, – сказала она строго.

И этим идиотским «может быть» на долгие годы поселила во мне страх. Я понимал: что бы я ни делал, как бы ни старался мыть руки и избегать контакта с кошками, в любой момент я могу стать «сифаком». Потому что моя теория о паразитах (это подтвердила сама

Марь Иванна!) предполагает их самозарождение и дальнейшее распространение из моего тела на другие живые организмы. «Если у меня в животе будут жить глисты, – думал я, – должен ли я буду уйти от родителей и из детского сада, чтобы все они не заразились?» И твердо решил, поразмыслив, что никуда уходить не буду, но буду тщательно скрывать свою проблему. Та же Марь Иванна сказала, что с глистами жить можно, правда, будешь очень худой.

– Вот ты пьешь, к примеру, кефир, ешь булочку... а так за тебя булочку будет съедать глист, – доступно объяснила она.

«Ничего, – думал я, – пусть все похудеют. Им не мешает. Особенно Роме Прохорову». Рома Прохоров, и правда, был очень толстым мальчиком. Настолько, что через некоторое время его забрали из детского сада, чтобы воспитывать дома.

Многие завидовали Роме. Говорили, что дома хорошо. Только не я. Во-первых, дома было плохо. Там приходил пьяный отец и ссорился с матерью. Там можно было получить по лицу, защищая ее. Во-вторых, в отличие от школы, детский сад меня совсем не тяготил. Может, потому, что там не заставляли учиться ничему, что было мне совсем неинтересно.

Такие же светлые чувства я испытываю, между прочим, к родному вузу. Возможно, ранняя специализация у школьников – не такая уж плохая идея? Ведь мы проводим в школьных стенах тысячи часов, изучая то, что никогда в жизни нам не пригодится. Проблема только в выборе специализации, ведь у многих сфера интересов не может сформироваться окончательно вплоть до совершеннолетия. Да и потом – люди меняются с течением жизни, и далеко не все заканчивают тот вуз, в какой поступали...

* * *

Я всегда был влюбчивым индивидуумом. Девочки нравились мне с самых ранних лет. То есть я даже не помню того времени, когда мог сказать, что не разделяю детей на мальчиков и девочек. Хотя психологи полагают, что в самом раннем детстве дети едва ли не бесполоы. Я тянулся к девочкам интуитивно всегда. Они вызывали у меня восхищение и восторг. Как редкие, очень красивые бабочки у энтомолога. Только мне пока не хотелось пронзить их – нет не иголкой; и оставить рядом с собой навсегда, владеть ими, тоже не хотелось. Но общаться с девочками было очень и очень приятно.

Это потом, уже в школе, появился стыд, когда возникло понимание, откуда идет это влечение. К тому времени мне на понятном языке объяснили, что отношения между мужчиной и женщиной, между мальчиками и девочками, замешаны на неких низменных инстинктах. Сложности в межполовые отношения добавляли сверстники, искусственно огрубляя их; вульгарщиной, пришедшей из мира взрослых, их низводили в сферу темного и постыдного интереса. Даже «тили-тили тесто – жених и невеста» – отнюдь не безобидная дразнилка, как может показаться. Я ненавидел все эти отвратительные проявления ханжества. Но невольно стал стыдиться своего желания сблизиться с девочками. Развеялось оно, правда, довольно быстро. Спасибо другу Артему.

Мне было лет одиннадцать. Мы с Артемом, который был на два года старше, сидели на пляже возле Москва-реки и играли в карты, когда появились мои одноклассники. Они знали, что у меня что-то вроде романа в письмах с девочкой Олей. Я очень старался его скрыть, подзревая возможные насмешки, но, как это обычно бывает, все всплыло наружу. Вскоре мои

письма цитировал весь класс. Все подтрунивали надо мной довольно жестоко. Но самое ужасное, что Оля, прежде поддерживавшая переписку, оказалась жалкой трусихой и предательницей. Как только наш «роман» всплыл наружу, она немедленно изобразила презрение ко мне, и в компании гордо задравших носы девчонок проходила мимо, игнорируя меня. Да еще заявила во всеуслышание, что я «ей не нужен», и что это я о себе возомнил. Было больно... Прежде меня никогда еще не предавала моя любовь. Тем более, та, что еще вчера писала письма, говорила, что я ей очень нравлюсь. Однажды мы даже шли вместе из школы, и я, набравшись смелости, взял ее за руку. И она не отстранилась... И тут вдруг такое...

Хохоча, одноклассники принялись меня задирать. Довольно безобидно. «Привет, жених!». «Где невесту потерял». «Ну, вы уже того с Олькой или как?» Артем некоторое время слушал молча, потом хлопнул меня по плечу:

– Молодец, Степка!

Ребята удивленно замолчали.

– А знаешь, в чем между вами разница? – спросил Артем самого языкастого.

– В чем разница? – переспросил тот.

– Разница, разница... – Артем засмеялся: – Один ебет, другой дразнится. Понял, дебил?

Тот хмуро кивнул. Ребята умолкли. И тихо переговариваясь, убрались с пляжа.

– Чего за баба у тебя? – спросил Артем.

– Она такая... – я вдохнул, а выдохнуть никак не мог, в груди пылало. – Такая...

– Познакомишь?

– Ни за что! – сразу выдохнул я.

– Ты чего такой жадный? – Артем стал перемешивать колоду. – Да, забудь, у меня баб и так полно. Хочешь, лучше я тебя познакомлю?

– Не надо. Мне Оля нравится.

– Ну и дурак, клевые бабы. И дают. Одна, знаешь, как сосется?! Ваще! Пойду – курева стрельну.

Артем пошел выпрашивать по пляжу сигареты. Хотя ему было лет тринадцать-четырнадцать, всегда находились беспечные мужики, которые даже прикурить давали... Я задумался, и понял, что завидую Артему. Как у него все просто – «баб полно». А я так люблю Олю, так люблю... А она обо мне и слышать не хочет. Наверное, со мной что-то не так. Вот бы, как Артем, находить себе девчонок, гулять с ними, обняв за плечо, «сосаться», а потом бросать – и все, больше о них не думать. Нет, у меня так точно не получится...

* * *

С возрастом для меня, конечно, все изменилось. Я узнал, что между мужчинами и женщинами, причем в самых разных кругах, установились странные торгово-финансовые отношения. Она, словно, продает себя. Он, словно, покупает ее. При этом общество четко разделено на два мира – мужчин и женщин. Где женщины – товары в гигантском супермаркете, а мужчины – соответственно, покупатели.

Такой подход к женщине, как к товару, я встречал слишком часто, чтобы его игнорировать. Это не просто распространенное явление – это данность. Причем, некоторые женщины совсем не против ощущать себя товаром – и стараются продаться подороже, приглядываются к покупателям, даже ищут сами тех, что посостоятельнее – и могут больше в них вложить. И мужчины не против. Они принимают правила игры. И даже довольны таким подходом, потому что он все упрощает. У меня самая крутая машина, квартира в центре Москвы, и самая крутая телка – что еще нужно, чтобы доказать, что я альфа-самец?!

Я никогда не мог вписаться в эту схему. Просто в силу иного восприятия. Для меня женщина всегда оставалась прежде всего личностью, на втором месте – была ее сексуальная привлекательность и красота. Мне случалось обладать упоительно красивыми телками, но разочаровывался я в них моментально. Меня не притягивала их бледная личность. И дело даже не в животном магнетизме, который отсутствовал. Просто за шикарным фасадом действительно ничего не было. Натываясь на пустоту, я некоторое время растерянно уговаривал себя – что буду отлично смотреться в обществе такой дамы. В конце концов, это статусный вопрос. Но ничего не мог с собой поделать. Терял интерес, и спешил разорвать такую выгодную для имиджа связь.

Зато женщина, умеющая рассуждать, со способностями к саморазвитию, в которой ощущалась жизненная сила (но и женственность наличествовала, конечно же, тоже) меня сразу же привлекала. Причем, порой я оказывался кавалером весьма оригинальных особ. Но в их необычном поведении и нестандартном мышлении я находил особенную прелесть.

Более всего меня удивляли мужчины, которые умудрились даже жениться на обладательнице шикарного фасада, за которым царила пустота. Разумеется, их брак был несчастлив. И как правило, разрыв сопровождался грандиозным скандалом, с дележом имущества и детей.

Я же находил в женщине друга. Интересного собеседника. Постель была важна. Но второстепенна. Можно оттянуться с моделями на полную катушку – так чтобы она «высушила» тебя до дна. Но удовлетворение будет исключительно физическим. Ни одна из них не даст тебе ощущения, что ты рядом со своим человеком – вот его плечо, он не бросит, не подставит, не предаст. И, черт побери, с ним тебе не скучно. Никогда не бывает скучно...

* * *

Когда мне было столько же лет, сколько Артему в тот год, когда мы сидели на пляже, его уже не было в живых. С компанией друзей они пошли в подвал, чтобы нюхать клей. Запаслись целлофановыми пакетами. Схема приема дури, в общем, была отработана давно. Несколько человек балдели, надев на голову пакеты. А один сидел рядом около получаса, а затем снимал

пакеты, чтобы токсикоманы постепенно приходили в себя. Судя по рассказам Артема, который проделывал это несколько раз, кайф был невообразимый.

– Я улетаю далеко-далеко. Там вообще никаких проблем нет. Ни хуя нет... И ты летишь, летишь, летишь. Можно и глюки словить. Попробовать хошь?

– Нет, – решительно отказался я. Во мне всегда присутствовал страх перед утратой рассудка. Мне казалось, это жутко – сидеть в подвале с пакетом на голове, не контролируя ситуацию.

Интуиция не подвела, я не ошибся в своих параноидальных страхах. Паренек, который должен был снять пакеты с токсикоманов, решил сам тоже кайфануть – пока остальные в отключке. Совсем немного, чуть-чуть, только, чтобы почувствовать привычное расслабление... В результате, сантехник спустя трое суток обнаружил в подвале четыре трупа с пакетами на головах...

Но не будем забегать вперед. До предательства Оли, до знакомства с Артемом (с детства я дружил почти с одними только хулиганами), еще было далеко...

* * *

Сполохи детства расцветают радужными пятнами. В них я вижу железную ограду детского сада. Убогую игровую площадку с врытыми в землю шинами от грузовиков. Загаженную бычками и мусором, пахнущую мочой беседку – по вечерам в детских садах распивали водку, пиво и вино местные алкаши. Асфальт в мокрых пятнах луж. На нем девочка на несколько лет старше меня рисует классики белым и розовым мелом. Как же я любил ее – школьницу второго класса по имени Арина. Она приходила в детский сад после школы с подружками, почти каждый день. Здесь был хороший асфальт, и можно было чертить на нем мелом. Девчонки скакали по классикам и прыгали через резиночку. А я просто стоял и разговаривал с ними, принятый в их взрослую девчачью компанию и ощущавший по этому поводу настоящее счастье.

– Степ, ты, когда подрастешь, женишься на мне? – спрашивала Арина.

– Да! – я кивал снова и снова. А девчонки хохотали. Им очень нравилась эта игра в «жениха и невесту». И никто не собирался меня дразнить, потому что сама Арина, заводила в их компании, была очень серьезна.

– Отлично, – говорила она и грозила пальчиком. – Смотри, не обмани. А то один моей маме обещал. А сам так и не женился. Вы, мужчины, все такие.

Однажды Арина наклонилась и поцеловала меня в щеку. До сих пор помню, как я смутился, и почувствовал, как от сладкого чувства ослабели ноги...

* * *

Через многие годы я приехал в район детства. Я пересекал двор возле давно закрытого и заброшенного детского сада, и вдруг встретил ее... Она была в школьной форме. Шла мне навстречу. Остановилась, уставилась во все глаза. Я смутился, прошел мимо. Думая при этом:

«Что эта странна девушка ТАК на меня смотрит?» И лишь, когда миновал двор, и свернул за угол, вдруг понял – это же Арина. Только сильно повзрослевшая. В моей голове возник образ высокой девочки, ловко скачущей через резинку. Я развернулся, нерешительно пошел обратно, не слишком понимая, что делать. Хотелось с ней заговорить. Но как?!. Она явно меня узнала... Во дворе ее уже не было. Я обошел детский сад по периметру. Но она исчезла... исчезла из моей жизни навсегда.

* * *

Я много раз влюблялся в девочек и женщин просто за то, что они не похожи на других – парадоксально. Наверное, такая любовь больше свойственна женщинам. Они ценят в мужчинах оригинальность и талант, особые качества, отличающие их избранника от серого большинства. И для меня тоже, очень по-женски, отличительные черты существ женского пола всегда были необыкновенно важны.

Однажды я влюбился в девочку Олесю только за то, что у нее были огромные пухлые щеки. Сама она при этом была худенькой и маленькой. Тем удивительнее были щеки, делающие ее похожей на хомяка, а голову на грушу.

Я был так восхищен Олесей, что даже привел ее из детского сада домой, чтобы показать родителям.

– Посмотри, мама, какие щеки! – восклицал я, щипая Олесю за лицо.

Самое удивительное, что она не только не обижалась, но и принимала мои комплименты как должное, осознавая, видимо, что щеки – ее главное достоинство...

Когда через многие годы семнадцатилетняя Олеся поехала с мужем (она очень рано вышла замуж) в Италию, история повторилась в точности. Темпераментный итальянский таксист прихватил девушку за щеку и воскликнул восторженно: «Bellissimo!» После чего взбешенный муж взял его за воротник, собираясь устроить взбучку. Драку удалось предотвратить с большим трудом. Олеся рассказывала, что убедила мужа, будто у итальянцев так заведено. Как только увидят прекрасную женщину, тут же – хватать ее за щеку и кричат: «Bellissimo!»

С Олесей, которую все называли моей невестой (она не возражала), мы однажды отправились к ней домой. Там Олеся поведала маме, что собирается замуж. Олесина мама такому повороту событий совсем не обрадовалась – и выгнала меня вон. Озадаченный, я обо всем рассказал своей маме.

– Грубые неинтеллигентные люди, – констатировала она. – Больше к ним не ходи.

И я не ходил. Тем более, что Олеся на следующий день в саду сказала, что мама попросила ее «своих кавалеров больше в дом не приводить». Подозреваю, будущему Олесиному мужу с такой тещей пришлось несладко.

Удивительным образом мы с Олесей после детского сада оказались в одной школе, в параллельных классах. И потом периодически встречались. Правда, о свадьбе речь уже не шла. Да и дружба у нас, в общем, не сложилась. Дружить с девчонками было не принято. Да и интересы у нас порядком разошлись.

Зато потом, уже после школы, мы неожиданно оказались в одной компании. И разговорились. Жизнь у нее, в общем, сложилась удачно. Сейчас Олеся многодетная мама. Я однажды видел ее малышей – у них грушевидные мордашки с огромными щеками...

В общем, для меня индивидуальность всегда была важнее такой банальной вещи, как красота. Впоследствии я почти влюбился в девочку, которая умела громко свистеть. У нее отлично получалось – может, потому, что двух передних зубов не доставало. Мне очень нравилась одноклассница, у которой один глаз был карий, а другой – зеленый. Меня в разное время привлекали поэтесса и любительница тантрического секса. Я обожал женщину, делавшую колоссальные успехи в бизнесе. И одновременно любил девушку-скрипачку с тонкой талией и большой попой. И конечно, когда я познакомился с фанатичной любительницей пауков, наш роман был неизбежен. Но о нем я предпочитаю не вспоминать.

* * *

В шесть лет от роду я уже был женат. Конечно, пока неофициально. Но брак был вполне серьезным – с моей и с ее стороны. Мы ходили везде, держась за ручку. Я целовал ее в щеку и губы. И она с удовольствием их подставляла. Мои малолетние приятели при виде такого «безобразия» выражали большое удивление. А мы заявляли им, что когда подрастем, обязательно поженимся. Нужно только немного подождать.

Подождать нас уговорила ее мама, женщина экстравагантная, с отличным чувством юмора и стиля. Я запомнил ее в широкополой красной шляпе с выгнутыми полями. Она постоянно курила сигареты через золотистый мундштук и меняла кавалеров, как перчатки. Почему-то предпочитала уса-тых мужчин. Я то и дело видел во дворе ее дома весьма своеобразных уса-чей – усы у них были разной степени длины, густоты и цвета – от моржовых боцманских до маленькой тонкой полоски под носом. Ей явно нравилось, что у ее малолетней дочери уже в таком возрасте завелся «жених» – меня она привечала, поила чаем и разговаривала со мной, как со взрослым. Как-то раз даже спросила, не собираюсь ли я отпустить усы. Я серьезно ответил, что, скорее всего, отпущу сразу усы и бороду – так в то время носил мой папа. Она неодобрительно покачала головой и сказала, что с усами и бородой я буду похож на полярника, и она не уверена, что Полина (так звали мою шестилетнюю жену) тогда будет меня любить. «Будет!» – уверенно возразил я. «Как скажешь», – согласилась, весело смеясь, ее мама.

Как некоторые моряки заводят себе жен в каждом порту, как курортники берут жену на время отпуска на теплых морях, так я имел жену только в дачном варианте. Мы общались только там. Город был территорией далекой от любви, и нам даже в голову не приходило когда-то встретиться там. Все происходило в течение двух-трех лет, а потом сошло на нет, как это бывает с подрастающими детьми, курортниками и моряками дальнего плавания – ведь в этом нет ничего серьезного, это так, романчик на время...

Все началось в один прекрасный день, когда я копался на огороде. Меня отрядили прополоть сорняки, что я с большой неохотой делал. У наших соседей по даче поселилась интереснейшая старушка – художница. Маленький домик с верандой стоял на отшибе от главной усадьбы. Этот домик (он потом сгорел за считанные минуты) соседи сдавали на лето. Днем старушка гуляла, или сидела на веранде с мольбертом – и писала акварелью местные пейзажи. В то время она казалась мне очень и очень старой. По моим понятиям, ей было лет сто, не

меньше. Руки ее напоминали сухие ветки и сильно дрожали, но кисть она держала твердо, и картины, я отчетливо это помню, отличались четкими линиями, нисколько не смазанными.

Мама Полины каким-то образом познакомилась со старушкой-художницей и во что бы то ни стало вознамерилась, чтобы та давала ее дочери уроки. Эта прихоть и позволила мне обрести жену... Сначала я заметил девочку с ранцем, которая уверенно шагала мимо нашего забора. Она сразу заинтересовала меня миловидным личиком и огромными синими глазами. Потом я увидел ее еще раз, и еще... И наконец заметил, что она ходит к художнице. Тогда я припал к забору, и стал наблюдать за ней. Она сосредоточенно, не отвлекаясь ни на что, рисовала чашки и фрукты с натуры. А старушка делала ей самые разные замечания. На мой интерес к ним они поначалу не обращали никакого внимания. Но однажды художница позвала меня жестом своей подагрической руки – поманила костлявым пальцем – и я нехотя направился к ним.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросила старуха.

– Степан, – ответил я.

Она тоже представилась, но я, увы, не запомнил ее имени.

– А это Полина, – сказала художница, проницательная, она, конечно же, заметила мой интерес к девочке. Но Полина была настолько занята рисованием, что даже не обернулась ко мне. Она осторожно водила кистью по бумаге, зажав от усердия во рту кончик маленького язычка.

– Понятно... – ответил я. И замер, не зная, что еще предпринять.

– Если хочешь, ты можешь приходить – смотреть, как мы занимаемся, – предложила художница.

Я радостно закивал: это было как раз то, на что я рассчитывал.

С этого дня я уже с утра дежурил возле забора – поджидал девочку с ранцем, а потом спешил за ней, на занятия по рисованию. Мне нравилось в моей первой жене буквально все. Но особенно ее покорность. «Можно я провожу тебя до дома?» «Да», – тихонько. «Я тебя поцелую... в щеку?» «Да», – едва слышно. «Давай я приду к тебе в гости». «Хорошо». Отвечала она, едва шевеля губками – что мне тоже очень и очень нравилось. Сам я в то время любил орать и командовать. Так что мы друг другу идеально подходили. Вскоре я стал повседневным гостем у девочки Полины. Тем более, провожатый ей требовался – путь до дома ей предстоял неблизкий – через лес.

– Ты куда опять идешь? – удивленно вопрошал мой дачный приятель Леха, на время он меня потерял.

– К Полине, – гордо отвечал я. – К своей жене.

Однажды он напросился пойти вместе со мной. И хотя сильно сомневался в наличии у меня жены, в первый же день убедился, что все именно так, как я и рассказываю. Полина

сидела на лавочке возле дома, я подсел, по-взрослому обнял ее рукой за плечо и поцеловал в щеку. Она лишь робко улыбнулась в ответ.

– Видал? – спросил я Леху.

– Ага, – ответил он – не без зависти, как мне показалось.

Во дворе у Полины жил черный ворон с подрезанными крыльями. Обычно птица сидела на цепочке. Но иногда Полина мама отпускала ее прогуляться. И тогда ворон с важным видом прогуливался всюду и бывал довольно агрессивен. Однажды я ему чем-то не понравился, и он погнался за мной, громко щелкая клювом. С тех пор я ворона невзлюбил. Обычно он был молчалив, но иногда на него находило разговорчивое настроение, и тогда он начинал громко кричать: «Здр-р-равствуйте! Здр-р-равствуйте! Кар-р-рлуша хор-р-роший!».

Дом у моей жены был трехэтажный. Все ее пожилые родственники к моменту нашего знакомства успели отойти в мир иной, оставив кучу никому не нужных вещей. Среди них было множество дешевых украшений, шляпок, пожелтевших фотографий и старинных книг. Умерший дедушка Полины собирал книжки-миньоны. Читать их было очень неудобно, из-за крошечного шрифта, а коллекционировать, должно быть, – напротив, удобно. Мне запомнилась одна – «Лесков, Медведь» – на обложке изображен был бурый мишка. Книжка легко умещалась в детской ладошке.

– Хочешь, бери себе, – предложила Полина. – Мне она не нужна.

И я, конечно, взял такой ценный подарок. И долгое время таскал его, как талисман. Пока он не затерялся где-то на даче.

Вообще, глядя на все эти вещи, заполнявшие старый дом Полины, как реликвии в европейских «лавках древностей» (есть такой уникальный бизнес у англо-саксов), я впервые подумал о том, что ничего не надо собирать и копить. Потому что потом этот ненужный хлам (а как только уходит хозяин вещей, они таковыми и становятся) будет никому не нужен. Вещи без хозяина быстро теряют первоначальную ценность, тускнеют, и на глазах делаются прошлым.

Для шестилетнего мальчика я вообще слишком много думал. По-моему, это вредно. Потому что отняло у меня огромную часть беззаботного детства. Но тут уж ничего не поделаешь. Если родился с нейронами, которые слишком быстро бегут по нервным окончаниям, так и будешь с ними мучиться всю жизнь...

Так прошло лето. Наступила осень. А с ней и первая школьная пора. И совсем другие впечатления и влюбленности занимали меня. Следующим летом я почти не вспоминал свою подругу. Тем более что художница, как выяснилось, умерла за это время. И некому было преподавать уроки живописи девочке с голубыми глазами. И все же – я набрался смелости, и отправился к Полине.

Как оказалось, у нее совсем ничего не изменилось. Тот же ворон на цепочке в саду. Та же романтически настроенная мамаша с длинным мундштуком. И Полина, немного повзрослевшая за год, но все такая же прекрасная. Теперь она училась играть на фортепиано – учительница приходила к ней музицировать прямо домой. Я воспринимал эти два часа как вырванные из жизни. Если с рисованием я еще мог смириться – мне нравилось, как на бумаге проступают

силуэты чашки, цветка в вазе и фруктов, то наигрывание однообразных гамм представлялось мне настоящей мукой. Все то время, пока она овладевала азами фортепиано, я сидел во дворе и дразнил ворона. Кидал в него маленькими камушками, а он налетал на меня с возмущенным граем.

– Как прошел год? – поинтересовалась Полинина мама.

– Очень хорошо, – ответил я.

– Сколько троек в четверти?

– Немного.

Похоже, ее совсем не интересовало количество моих троек в четверти, потому что она отвернулась к старому зеркалу и стала красить губы. Через час за ней заехал очередной усатый кавалер. На сей раз местный милиционер. И повез ее на сороковом москвиче в местный же ресторан.

Пока ее не было, мы с Полиной поцеловались немного, потом забрались наверх, на третий этаж, в ее комнату, и стали болтать обо всем на свете. Я заметил, что за год она стала намного разговорчивее. К тому же, теперь ее интересовали разные «любовные делишки», как она их называла, и мне это очень не понравилось. Она даже завела себе дневник, куда записывала данные обо всех кавалерах. И я там тоже был. Пришлось отвечать ей на дурацкие вопросы, чтобы она могла заполнить какую-то девчачью анкету.

Я появлялся у девочки с синими глазами еще множество раз – но все реже и реже. Куда веселее мне было проводить время с Лехой и другими дачными приятелями.

В последний раз я увидел ее, когда мне уже было лет тринадцать-четырнадцать. Мы с Лехой внезапно решили сходить и посмотреть, как поживает Полина. И пошли.

У Полины на даче гремела музыка (ее мама была явно в отъезде) и гуляла очень пьяная компания из ребят постарше. Наверное, даже студенты. А один длинный (я заметил, что у него уже заметны черные усы) постоянно обнимал ее за плечо и лез целоваться. Она отталкивала его и говорила: «Уйди!» Но так жеманно, что было понятно – ей совсем не противно.

– Это кто такие? – спросил «студент» про нас.

– Это Степа и Алексей, – представила нас Полина, – мои друзья с детства, живут здесь рядом.

– Ну что, муфлоны корявые, в бубен захотели?! – вдруг надвинулся на нас усатый.

Мы в ответ угрюмо промолчали. В бубен не хотелось.

А он вдруг расхохотался.

– Да это же шутка такая, пацаны, заходите, у нас вина полно, – сгреб нас в охапку и потащил на дачу... Они пили какое-то плодово-ягодное пойло, от которого меня чуть не стошнило, как только я его попробовал.

– А где ворон? – успел я спросить Полину, пока ее снова не вовлекли в водоворот танцев и разговоров ни о чем.

– Карлуша умер, – ответила Полина, – давно уже.

– Жалко, – сказал я.

Мы еще немного посидели, а потом я толкнул Леху.

– Давай двигать.

Вся компания была явно старше нас, и мы чувствовали себя неуютно. Впрочем, девчонкам – Полине и ее подругам – явно все было по душе. Когда мы уже подходили к воротам, она догнала нас.

– Степ, ну ты заходи, – сказала она. – Сегодня просто, видишь, подружки приехали. И ребята из города.

– Ладно, – ответил я. – Зайду как-нибудь.

Но так и не зашел. Я понял, что моя детская влюбленность в девочку с голубыми глазами развеялась навсегда, и уже никогда не вернется.

* * *

Времени не существует, когда блуждаешь по памяти. Вот я – маленький мальчик, сидящий на скамейке, подпер кулачком щеку, и размышляю о том, что мир несправедлив. Ведь у Кольки Сапрыкина есть велосипед. А у меня даже самоката нет. Потому что у родителей вечно нет денег. И в то же самое время я сижу на уроке географии, и оттачиваю остроумие, потешаясь над Ромой Ивановым. Он не знает ничего. То есть совсем ничего. Он туп, как животное. Не может даже показать Америку на карте. Учительница меня обожает, часто говорит: «Учитесь, как надо шутить, у Степы. Надо острить, друзья мои. А не ослить, как некоторые из вас». Вот я паркую первую машину возле торгового павильона, чтобы похвастаться перед товарищем, что купил себе не какую-нибудь колымагу, а настоящую BMW. Вот я сижу в Центральном парке на Манхэттене, и прикидываю, что делать – ведь у меня нет ни денег, ни грин-карты – а в Россию мне путь заказан. И вот я же с бультерьером Ларсом иду в настоящем по спальному району, где когда-то жил.

У Ларса – удивительный характер. Он гораздо круче меня. Он стойко переносит тяготы и лишения собачьей жизни. Никогда не попросит еды, пока я сам не решу, что пора насыпать корм. Никогда не будет скулить, даже если ему очень надо на улицу – встанет у двери, и будет стоять, склонив морду. И никогда не предаст хозяина. Более преданную собаку сложно представить... Чужих Ларс не жалует. Относится к ним настороженно. Если приходят гости, старается лечь между ними и мной – оберегает хозяина от возможного нападения. Агрессию

никогда не проявляет, поскольку обладает устойчивой психикой, но всегда настороже – его невозможно застать врасплох...

Мы перешли дорогу и идем к кинотеатру. Здесь во времена моего детства проходили дискотеки. Банду Рыжего танцы не интересовали. Но на дискотеки они приходили всегда. Любимое место для жестоких развлечений и расправ. Здесь они регулярно кого-то били. А через некоторое время, обнаглев от безнаказанности – и резали. На них боялись донести. Потому что они жестоко мстили всякому, кто готов был им противостоять. Одной смелости порой недостаточно – должно быть достаточно глупости, чтобы пойти против бандитов – потому что, взрослея, они все больше превращались в абсолютных отморозков. При этом, хоть и пили, и курили, но весьма активно занимались спортом. Во дворе возле школы стояли брусья и турник. Все видели, как Рыжий подтягивается не меньше двадцати раз. И делает снова и снова подъем переворот, демонстрируя, что силы у него хватает. Чужих на спортивные снаряды они не пускали. Делали исключение для пары-тройки ребят, которых знали с детства. Да еще для «старшаков». Так звали двух прибалтанных мужиков, тусующихся с пацанами. Пацаны к ним тянулись – а те рассказывали байки из своей жизни, исполненные воровской романтики и блатного фольклора...

– Ой, – вскрикивает бабка. – Что ж ты такую страшную собаку завел?!

Я привык к такой реакции. Ларс даже носом не ведет в сторону бабки. Мы идем дальше.

– Я передачу по телевизору видела, – кричит она вслед, обращаясь не к нам, а к другим случайным прохожим, – всех таких собак надо усыпить...

У Ларса хватает ума и благородства не обращать внимания на лающих людей и животных. Сам он никогда не брешет. Так и не научился. Да ему и ни к чему.

* * *

Некоторые стереотипы в сознании человек изживает. Другие остаются с ним на всю жизнь. Помню, как в средней группе детского сада я гордился, что родился в советской стране. И с ужасом думал: что было бы, если бы я появился на свет где-нибудь в Америке? Такой кошмар и представить было невозможно. Страшнее всего было фантазировать, что я родился негром, и меня угнетают проклятые капиталисты.

Мишку Харина, хулигана из хулиганов, я как-то спросил:

– А что, Мишка, ты рад, что ты негром не родился?

Он счел это очень обидным. И, склонив голову, изо всех сил боднул меня в живот...

Вечером я решил пожаловаться маме.

– Мама, – сказал я, – меня Мишка Харин толкнул.

– А ты что сделал? – спросила мама. Она не была сторонницей непротivления злу насилем. И считала, что надо давать сдачи во всех случаях.

– А я упал, – ответил я печально.

Маму мой ответ почему-то очень насмешил.

– В следующий раз, – сказала она, – толкни и ты его. И посильнее. Ты упал. А он пусть улетит.

Я так и поступил. С тех пор стычки с Мишкой Хариным происходили постоянно. Он был ребенок-ураган. Сейчас таким ставят диагноз «гиперактивность» и накачивают успокоительным. Раньше с детьми так не поступали. Считалось, что гиперактивность – свойство характера. В принципе, они были правы. Отдельным взрослым гражданам (в том числе, и тем, кто находится в публичном пространстве) седативные препараты совсем не помешали бы. Но их никто почему-то не назначает...

Детям внушали не только гордость за родную страну, но и многие истины, долженствующие определить их поведение в советском социуме. Пропаганда начиналась в детском саду. Воспитатель задавал детям стандартный набор вопросов, и они должны были отвечать.

– Кто знает, – спрашивала Марь Иванна, – почему советский флаг красного цвета?

Ответ на этот вопрос я знал, меня просветила прабабушка, в славном прошлом – революционерка с маузером (я видел фото), и потянул руку.

– Так, Степа...

Я встал, и, задыхаясь от волнения, выпалил:

– Потому что красного цвета кровь рабочих и крестьян!

Марь Иванна была искренне удивлена, но и горда одновременно.

– Молодец, Степа, абсолютно правильно, – сказала она...

В другой раз Марь Иванна напротив – отругала меня. Причем, очень несправедливо. Пренебрежение к хлебу считалось чем-то вроде тяжкого преступления против нравственности – наследие голодного времени. Один из моих согруппников, Дима, оказался настоящей «белогвардейской сволочью». Во всяком случае, именно так я его и назвал. Он не только бросил хлеб на пол, но и оклеветал меня.

– Это Степка хлеб бросил, – сказал он без зазрения совести, – я видел.

– Ах, ты, белогвардейская сволочь! – вскричал я, возмущенный до глубины души, и кинулся на подлого врага с кулаками...

Марь Иванна мой порыв не оценила, схватила меня за ухо и отвела в угол. Там я стоял полчаса, глотая слезы – это было первое несправедливое наказание в моей жизни. И отличный жизненный урок. Лжецу за его поступок ничего не было. Меня же, пытавшегося восстановить истину, воспитательница и слушать не хотела. Я осознал, что, хотя врать нехорошо, подлый

человек может уйти от ответственности. А значит, если надеяться не на кого, справедливость могу восстановить только я.

На прогулке я так удачно подставил подлому Диме подножку, что он упал – и расквасил нос. Зареванный, Дима побежал жаловаться воспитательнице. А я – следом за ним. Обогнал его, и первым закричал: «Марь Иванна, я нечаянно, он сам на меня наткнулся».

– Будьте осторожнее, – сказала Марь Иванна. И Дима, мгновенно прекратив рыдать, выпучил на нее пуговицы хитрых глазок. Затем перевел пораженный взгляд на меня. Сам он привык врать и изворачиваться. Но никак не ожидал такого коварства от других...

В меня настолько вколотили почтение к хлебу, что я по сию пору не могу выбросить оставшиеся от батона куски. Они тщательно режутся и сушатся. Поэтому у меня дома всегда полно соленых сухариков... Помню, я испытал настоящий шок, когда внезапно обнаружил во двореке возле дома полбуханки черного. Ее кто-то бросил птицам. Этот «враг народа» вскоре появился. Он был приличного вида, в очках, с портфелем в руке.

– Ты чего, мальчик? – спросил он меня. – Пусть птички поедят.

Я к тому времени отнял хлеб у пернатых и стоял, не зная, что предпринять.

– Это вы... – выдавил я. – Вы им дали?

– Я, – сказал очкарик, пожал плечами. – А что?

– Люди проливали пот, – сказал я, – работали сутками, чтобы собрать пшеницу. Умирали на полях. А вы... – Я осекся, потому что испугался. А вдруг этот «враг народа», для которого труд тысяч советских людей ничего не значит, захочет меня убить – потому что я знаю, что он сделал?

Осознав опасность своего положения, я прижал к себе хлеб и стремглав кинулся прочь. Погони не последовало.

Исклеванные птицами полбуханки я принес домой и положил на кухонный стол.

– Это что такое? – спросила вечером мама, когда пришла с работы.

Я рассказал ей о встрече с «врагом народа».

– Ну, понятно, – мама сунула хлеб мне в руки: – Пойди, и отнеси к помойке. Пусть птицы съедят. А потом придешь – и помоешь стол.

Как громом пораженный, я побрел к помойке. В моей картине мира опять зияла трещина. Но уже формировалась новая картина, в которой хлеб все еще был на почетном месте. И в то же время – по отношению к хлебу людей оценивать было нельзя... Потому что есть и живет с нами бок о бок сытая с детства сволочь, которая никогда на полях не пахала, всегда ела и пила в три горла, и понятия не имеет, каким потом и кровью достается крестьянину хлеб... И это тоже люди, а не «враги народа»...

* * *

Человеческое бытие сугубо рационально. Всевышний все за нас рассчитал. Он – не только демиург, но и практикующий математик. На планете Земля рождается ровно столько мальчиков и девочек, чтобы соблюдать равновесие между полами. И если мальчишек вдруг появляется на свет намного больше, это верный признак – будет война. Обычно нас ровно столько, чтобы к совершеннолетию возник баланс. Далеко не все мальчишки доживают даже до шестнадцати. Многие гибнут в опасных играх. Представители сильного пола обычно слишком беспечны, чтобы инстинкт самосохранения победил в них бурную натуру. Все закономерно. И тот из нас, кто не наигрался в детстве, часто уже в юности и зрелости подвергает опасности и свою жизнь, и жизнь своих близких. Старается добрать то, что не получил раньше. Адреналиновые наркоманы – в детстве, как правило, тихони.

Я был мальчиком беспокойным, и меня, как и многих моих сверстников, все время тянуло на подвиги. Мы развлекались довольно опасными способами. Ходили, к примеру, на железнодорожный мост, где подкладывали на рельсы большие строительные гвозди. Из них получались отличные ножички, если обмотать рукоятку изолентой. Одним из таких ножичков мой приятель Лешка однажды ударил в глаз соседского паренька – случайно, но тот едва не ослеп. Внутри моста можно было спуститься по небольшой металлической лестнице, и лечь на шатких деревянных мостках – прямо под железнодорожное полотно. Когда над тобой проносился поезд, грохот стоял невообразимый, и доски ходили ходуном. А под ними было метров сорок, никак не меньше, и если сверзиться вниз – вряд ли останешься в живых.

Я боялся высоты, и приходилось регулярно перебарывать страх, чтобы не оказаться трусливее остальных. Это преодоление перекочевало со мной из детства во взрослую жизнь. Борьба со страхом высоты заставила меня в свое время осуществить прыжок с парашютом. И первый, и второй, и все последующие прыжки... Но страх перед высотой я так и не преодолел. Время от времени мне снится один и тот же сон – я срываюсь с крыши и лечу в пропасть. Еще один мой постоянный ночной кошмар...

Ребята из района проводили довольно много времени на крыше. Здесь мы играли в карты, тусовались время от времени – в отсутствии других занятий. Меня неизменно охватывало чувство тревоги, и в животе становилось щекотно, когда случалось подходить к краю. Мне, или другим. Это даже не было сопереживанием. Видя, что вытворяют мои приятели, я опасался за себя. Парень из моего дома, Степка Бухаров, высоты, казалось, не боялся вовсе. На крыше он проделал трюк, поразивший меня, помнится, в самое сердце. Бухаров перелез через низкие перильца и, свесив ноги, повис над пропастью. В это мгновение я не мог вымолвить ни слова – буквально оцепенел от охватившего меня ужаса. Другие ребята только посмеивались. Затем Бухаров подтянулся и забрался обратно на крышу, глядя на нас сверху вниз.

– Ну, чего? – спросил он. – Кому не слабо?!

Всем было слабо, но сознаваться в этом никто не собирался.

– Сейчас просто неохота, – заявил Олег Муравьев. – В другой раз – обязательно повторю.

– Ну-ну, – Бухаров рассмеялся, выражая недоверие. – Вот и посмотрим.

Он всегда был крутым. Но плохо кончил, пойдя по кривой дорожке, и угодив в тюрьму...

С того же железнодорожного моста, который я упоминал выше, Олег Муравьев решил спуститься по канату. Дело это было рискованным. Этим подвигом Муравьев собирался доказать, что ему тоже «не слабо». Он перекинул канат через металлический поручень, с одной стороны каната привязал палку, уселся на нее, и взялся за свисавший до земли другой конец. Перебирая руками, Олег принялся медленно спускаться. Некоторые ребята наблюдали за ним снизу, другие – сверху. Он не добрался и до середины, когда одному из пацанов пришла в голову «прекрасная» идея – помочиться герою на голову. Что он и осуществил. Олег орал благим матом, но отпустить веревку не мог – он бы упал и разбился. Большинство ребят едва животики не надорвали от смеха... Я, признаться, тоже. Когда Олег наконец добрался до земли, он сразу схватил обломок кирпича и кинулся за обидчиком. Тот улепетывал так, что только пятки сверкали... Через несколько дней они все-таки встретились лицом к лицу – и состоялась жестокая драка. Муравьеву удалось отстоять свою честь. Обидчику он выбил при этом два передних зуба...

Мы обожали недостроенные здания. На стройках можно было найти железные пруты, и фехтовать на них, воображая себя мушкетерами. К тому же, в недостроенных домах можно забраться на самую верхотуру, а там тоже весьма опасно – очередной способ пощекотать нервы.

Один мой знакомый паренек как-то раз сорвался в котлован, и сильно покалечился, упал на арматуру. Ему пробило легкое, и выжил он только чудом. Другого – искушали собаки, на стройках всегда обитали целые стаи...

Про Банду рассказывали, что как-то раз они забрались на стройку и перебили там всех собак. Причем, убивали и взрослых и щенят. Такие у них были развлечения.

Это лишь одна из множества историй, составлявшая своеобразную мифологию вокруг малолетних отморожков. Их репутация складывалась из такого рода поступков из года в год, росла и множилась, как клубок пауков.

– Знаешь, как в «Гитлерюнгенд» брали? – спросил меня тогда Володя Камышин.

Я помотал головой.

– Мне папа рассказывал. Им давали щенка, и надо было его вырастить и потом убить. Тогда тебя брали в «Гитлерюнгенд».

Так и рождались стереотипы в сознании. Сначала отец Камышина зачем-то измыслил эту ничего не имеющую с реальностью историю. Затем Камышин рассказал ее мне. И я долгие годы искренне верил, что так и было. И только потом узнал, что Гитлер обожал собак, и был к ним очень привязан. Неудивительно, ведь собаки куда лучше людей. И все тираны, как правило, очень сентиментальные люди...

* * *

Наш район от соседнего отделяла железная дорога. И как это часто бывает, районы враждовали. Человек – не только животное стадное, но и привязан к ареалу обитания. Тех, кто проживает на его территории, он выделяет из толпы. Массовые драки случались прямо на рельсах.

В стычках принимало участие иногда до нескольких сот человек. Дрались кусками арматуры, цепями, пускали в дело свинцовые накладки, кастеты и ножи. Разумеется, не обходилось без травм. Бывали, и убитые. Порой их не забирали с поля боя. Их находили на рельсах случайные прохожие или путевые рабочие в оранжевых жилетах.

Безутешные родители одного забитого насмерть паренька поставили могилку прямо возле железнодорожной платформы. Не знаю, почему районные власти позволили. Но во времена моего детства она так и стояла там – напоминанием, что здесь проходит фронтовая линия.

Мне было лет шесть, когда я забрел в чужой район – там был парк с аттракционами и кинотеатр. Меня отловили какие-то шпанистые ребята, и навешали тумачков, когда я отказался отдать им мелочь. С разбитыми губами и носом я шел домой и отчаянно переживал обиду. «За что? – думал я. – Я же ничего им не сделал». Потом мне объяснили приятели во дворе, что я из другого района, а значит – для них я чужак.

Банда также тщательно отслеживала, чтобы в наш район не забредали чужие, даже малолетки. Окружив незнакомого паренька, его допрашивали с пристрастием – где живет, и что здесь делает. И не дай бог ему было сознаться, что он пересек железную дорогу по каким-то своим делам!..

Родители одного мальчишки никак не хотели понять, почему он всеми силами упирается, и не хочет посещать музыкальную школу, расположенную неподалеку от моего дома. А он, скрывая обиду – потому что знал, что «стукачу» еще хуже будет, каждый день бывал бит – просто за то, что он из другого района. В конце концов, ребята из Банды перестарались – его родители не могли не заметить огромный синяк под глазом. На следующий день со скрипачом в музыкальную школу отправился дядя. Он хотел поначалу только поговорить с Рыжим и его корешками. Но те послали дядю куда подальше, и принялись над ним глумиться, после чего он кинулся на них с кулаками.

Через некоторое время на дядю завели уголовное дело, за избиение подростков. Причем, родители уроков сильно возмущались. Мальчишку окончательно затравили. У него все время отбирали деньги, а потом отняли и скрипочку...

Я шел из школы с Володией Камышиным, а ребята из Банды возле брусев и турника развлекались, пилякая на инструменте. Бедняга стоял неподалеку и кричал: «Отдайте, ну, отдайте, пожалуйста!»

– А ты отними, – Рыжий смеялся. Остальные ему вторили.

– Вот сволочи, – сказал Камышин. – Надо ему помочь.

– Лучше не связываться, – возразил я. – Ты и ему ничем не поможешь, и сам получишь.

Но Камышин развернулся и зашагал к школе. Вскоре он вернулся с преподавателем. Тот действовал решительно.

– А ну, – сказал он Рыжему, – подойди сюда. Это твоя скрипка?

– Моя, – ответил тот нагло.

– Это моя, моя, – закричал паренек.

Вскоре скрипку ему вернули. И он поспешно убежал, уложив ее в футляр.

– А с тобой мы еще поговорим, – Рыжий погрозил Камышину кулаком. Володька ничего не ответил. Только губы сжал в тонкую линию – все же волновался, знал, что с рук ему это не сойдет.

– Ну вот, – сказал я расстроено, – опять ты нарвался.

На самом деле, я ощущал досаду на себя – оттого, что струсил...

Со скрипачом мы потом, когда Камышина уже не стало, случайно встретились в кассах кинотеатра в его районе – и разговорились. Оказалось, он отлично помнит тот день. После случая со скрипкой родители наконец решили перевести его в другую музыкальную школу, подальше от хулиганов. Когда я рассказывал ему, что произошло с Володькой, он от ужаса стал бледным, как крашенная известью стена.

– Как ты там живешь? – проговорил он.

– А у вас что тут, лучше что ли? – возразил я.

Он вздохнул. И поведал, что дяде дали условный срок. Хотя могли и посадить.

– Твой дядя – молодец, – сказал я. – Хоть кто-то нашелся, чтобы им врезать...

* * *

Мы делали рогатки сначала из дерева и жгута, а потом из проволоки и тонкой вьетнамской резинки. Мой новый папа – замечательный мягкий и образованный человек – боролся с моим пристрастием к стрелковому оружию весьма своеобразно. Он не проводил со мной воспитательные беседы, не старался меня в чем-то убедить, рогатки просто исчезали из моей комнаты.

– Черт возьми! – кричал я, перерывая вещи. – Она же здесь лежала! Куда она могла деться?!

– Понятия не имею, – отвечал папа, поправляя очки. – Ты уверен, что сюда ее положил?..

Через многие годы, он сознался, что выкидывал рогатки. Тогда же я был убежден, что в их исчезновении сокрыта какая-то тайна, и меня преследует злой рок.

Из проволочных рогаток стреляли «пульками» – их делали тоже из гнутой проволоки.

В доме возле школы жил одноглазый мальчик лет десяти. Излюбленным развлечением членов Банды было поджидать его под балконом. Они очень надеялись выбить ему «пулькой» оставшийся глаз. Но расстояние было слишком велико – так что их надежды так и не оправдались. А потом паренек, кажется, куда-то переехал.

Мы устраивали настоящую рогаточную войну в заброшенном детском саду. Я обожал эти полувоенные игрища. «Пульки» летали со свистом, и разили врага, как настоящие пули. От их попадания даже оставались следы – синяки и ссадины. Они не сильно меня волновали. До тех пор, пока однажды «пулька» не влетела и мне прямо в левый глаз. Пару дней я совсем ничего не видел. Радужка стала красной. На лице появился громадный черный синяк. Травматолог, осмотрев глаз, сказал, что ничего страшного – зрение восстановится. И посоветовал родителям тщательнее следить за ребенком.

С присущей ему серьезностью, несмотря на очень молодой возраст, папа взялся за дело. Он решил, что недавно усыновленного отпрыска надо отдать в спортивную секцию – чтобы не болтался без дела.

– Но мне же всего шесть лет! – возмутился я. – Я гулять хочу.

– Это хорошо, что шесть лет, это отличный возраст для того, чтобы начать спортивную карьеру, – сказал папа.

Его выбор пал на секцию дзюдо. Прежде всего, потому, что она находилась недалеко от дома. И еще потому, что тренером там был его институтский друг.

Я оказался в секции самым маленьким. Каждый день перед началом занятий тренер проверял у воспитанников дневники.

– Два, Петров, – говорил он печально и кивал на дверь, – вперед, исправлять двойку, завтра придешь.

– Ну, Иван Харитоныч...

– Давай без «ну», ты знаешь правила.

Почему-то дзюдо занимались одни только двоечники. Мне юные спортсмены отчаянно завидовали, потому что в школу я пока не ходил, и дневника у меня не было.

Я так увлекся спортом, что даже дома отрабатывал приемы и падения. Забирался на диван и грохотом рушился на пол. Умение падать без травм – было одним из основных навыков дзюдоиста.

В соседней квартире жил мальчик Паша. Он уже посещал третий класс. Но иногда Паша приходил ко мне в гости – чтобы поиграть в шахматы. Я демонстрировал Паше, как ловко умею падать. И он восхищенно признавал, что – да, у меня отлично получается, и что он, пожалуй, разбил бы себе все локти и колени, если бы так навернулся.

Навык, надо сказать, очень пригодился. Поскольку я был самым маленьким, на тренировках меня швыряли и так и эдак. Об маты я бился с таким стуком, что тренер Иван Харитонович стал опасаться за мою жизнь. Все-таки он взял на себя ответственность за меня перед моим новым папой.

– У тебя отлично получается, – сказал он, погладив меня по голове, – но тебе лучше бы придти через годик. А еще лучше, – он помолчал, – через два. Пусть отец мне позвонит... – Рано, рано ему еще заниматься, – говорил Иван Харитонович потом, когда они встретились. – А вот будет ему лет восемь – тогда в самый раз.

В общем, дзюдоиста из меня так и не получилось. В восемь лет у меня уже были совсем другие интересы. Умело падать я больше не хотел.

А спортивные секции вошли в мою жизнь на долгие годы. Я занимался спортом до самого поступления в вуз – пока все мое время не стала отнимать учеба и бизнес. Три раза в неделю, иногда – четыре, я три года подряд посещал секцию бокса. Занятия проходили в юношеском Дворце спорта, куда я ездил на электричке.

Обычно тренировки заканчивались поздно, и возвращаться к платформе приходилось в темноте, шагая вдоль гаражей мимо фонарей с разбитыми лицами. Там, в этом мрачном крысином углу, вечно ошивались темные личности – распивали портвейн, тусовались без дела... Однажды меня попытались ограбить. Наезд выглядел стандартно: «Ты с какого района? А чего тут делаешь?!» И тут же один из хулиганов бесцеремонно полез ко мне в карман. Они всегда так действуют. Привыкли к безнаказанности. И не ожидают от жертвы сопротивления. Особенно, если жертва одна, и намного младше. Наглец получил правый апперкот. А я отпрыгнул назад и встал в стойку.

– Ты чего?! – заверещал ушибленный.

– Боксер, что ли? – насмешливо спросил другой, в низко надвинутой кепке.

– А ты проверь, – сказал я. К тому времени я занимался уже полтора года. И хотя высоким ростом не отличался, но уже почувствовал некоторую уверенность в своих силах.

Особенно мне удавался хук. Поначалу я не оценил его убойную силу. Но после нескольких успешно проведенных хуков, стал применять его постоянно. Можно сказать, хук стал моим коронным ударом. С легким разворотом ноги, вложив плечо и корпус, я бил прямым в подбородок. И обожал момент, когда противник валится с ног, теряя ориентацию в пространстве и всякую способность к дальнейшему сопротивлению. Проблемой было только то, что в моей весовой категории в секции почти не было бойцов – такой я был крошечный и тощий.

– Бабки есть? – продолжая лыбиться, спросил парень в кепке и достал из кармана нож.

– Нет, – я помотал головой.

– Смотри, если ты мне врешь... Я ж проверю.

– Только билет на электричку...

Они некоторое время стояли молча, потом расступились.

– Ладно, вали, я сегодня добрый, – парень в кепке сунул нож обратно в карман.

Я поспешно прошел мимо, будучи наготове. Ожидал неожиданного удара. Такие любят действовать подло. Но его не последовало.

Регулярно возле гаражей ко мне цеплялись какие-то подвыпившие граждане. Я старался на их пьяные выходки не обращать внимания. Такое поведение очень свойственно, к сожалению, нам, русским. Большинство россиян не умеют пить культурно – их тянет на мордобой и ссоры с окружающими...

Не сказал бы, что делал в боксе большие успехи. Он помог мне укрепиться физически, почувствовать уверенность в себе. Я развил координацию движений. Но в детстве я был очень маленького роста. На физкультуре стоял последним в строю, перед девчонкой – дылдой. К тому же, очень щуплый. Мне не хватало данных для того, чтобы стать хорошим боксером. Из меня получился бы куда лучший бегун. Но легкая атлетика меня не привлекала – я хотел драться и побеждать. И мечтал нарастить мышцы, поскольку почти сплошь состоял из одних костей. Я относился к занятиям всерьез – и хотел достичь результата. Но когда меня в очередной раз не взяли в летний спортивный лагерь и на соревнования в сентябре, я понял, что с боксом пора завязывать. К тому же, откровенно надоело постоянно мотаться на электричках.

Я решил, что моего отсутствия тренер и не заметит. И был очень удивлен, когда он вдруг позвонил и спросил, куда я пропал. Возможно, это была всего лишь формальность. Но, услышав голос тренера, оценив его интерес ко мне, я вернулся в секцию еще на месяц. И все равно бросил бокс, когда другой тренер поинтересовался, не хочу ли я заняться иным видом спорта – тем, где нужно много бегать и прыгать.

Из секции бокса я перешел на футбол. Ездить туда тоже было очень неблизко. К тому же, ребята занимались давно и явно играли лучше меня. Зато у меня оказался настоящий вратарский дар. Выяснилось, что я обладаю молниеносной реакцией и способен брать практически любые мячи. Но команда была настолько сильной, что на первом же подростковом чемпионате я всерьез заскучал. Настолько, что, стоя в воротах, стал смотреть на небо, размышляя о своем – и зевнул гол. Все принялись меня ругать почем свет стоит. Тогда я прямо посреди игры швырнул на землю перчатки – и отправился в раздевалку. Характер у меня ровный, но периодически случаются вспышки ярости, когда я считаю, что со мной, или с кем-то еще, поступили несправедливо.

На футбол я больше не вернулся. Вместо этого записался в секцию самбо. Мне казалось, что самбо похоже на обожаемое мной в детстве дзюдо, и здесь мне будет замечательно. Но я уже не был к тому времени шестилетним мальчишкой, и требования у тренера ко мне были совсем другие. Маленький и щупленький, я неизменно оказывался на татами, как ни старался победить противника. Очень хотелось провести мастерский хук, как я умею, но, к сожалению, махать кулаками в самбо было не принято. Поэтому оттуда я тоже ушел. Туда, где могли пригодиться мои боксерские навыки – в подпольную секцию карате.

Меня привел в подвал, где проходили занятия, закадычный с самого раннего детства друг Серега. Сам он занимался фанатично. И делал большие успехи.

– Карате – это не просто драка, как кому-то может показаться, – говорил сенсей Вадим Викторович, прохаживаясь перед строем учеников, – это целая философия. Нельзя просто так дать человеку в морду. Надо понять, почему ты это делаешь. И зачем, собственно... Ведь морда у человека, да и вся голова, не просто так даны.

Такого рода наставления предваряли каждое занятие. Вадим Викторович пофилософствовать любил. Философия его была простой и незатейливой – и со временем я узнал, что ничего общего с подлинной философией карате она не имела.

Сенсей, к сожалению, за любовь к карате угодил в заключение. Откуда через некоторое время вернулся. Но уже совсем другим человеком. Боевыми искусствами больше не занимался. Стал пить по-черному. Я неоднократно встречал его возле пивного ларька, и он поспешно отворачивался – стесняясь учеников и своего нынешнего вида. Прежде поджарый красавец с тонкими усиками он превратился в рыхлого фигурой, одутловатого пьяницу. Я однажды подошел, заговорил с ним. Он, прикрывая рот рукой, что-то прошамкал. И я заметил, что зубов у Вадима Викторовича почти нет. В общем, тюрьма его сломала.

Я занимался карате и в других секциях, причем – самых разных школ. И даже достиг определенных успехов, сменил несколько поясов. При этом всегда жалел, что оставил бокс. Махать ногами я не любил. Противников атаковал, в основном, кулаками. А от ударов предпочитал уворачиваться, а не ставить блоки. Сказывалась раннее боксерское воспитание...

* * *

Родители очень хотели, чтобы я вырос человеком всесторонне развитым. Поэтому спорт я должен был совмещать с занятиями в музыкальной школе. Еще в детском саду меня отпраздничали на прослушивание. Как сейчас помню, нужно было угадать ноту, спеть песенку, прохлопать ритм. Чувством ритма я блеснул, ноту угадал, а вот песенку проорал так, что музыкальный педагог сморщился, будто только что разжевывал лимон. Они, конечно же, решили, что слухом я обделен. Бедный мальчик... Тем не менее, желание родителей, чтобы чадо занималось музыкой, было основополагающим. Так что в школу меня приняли.

Со временем выяснилось, что слух у меня все же есть. Причем, почти абсолютный. Просто мне никто не объяснил, что слова под музыку надо пропеть так, чтобы голос совпал с нотами в гармонию. Мне казалось, ноты сами по себе. Слова сами по себе. И это правильно. Но детям надо разъяснять даже такие простые вещи.

Посещения музыкальной школы меня порядком тяготили. Во-первых, до нее было очень далеко ехать. А во-вторых, оказалось, что надо разучивать нудные гаммы на пианино, и тратить на это целые часы. Слово «Сольфеджио» я до сих пор считаю ругательным. Успехами я не блистал. И в конце концов, решительно заявил маме, что в музыкальную школу я больше не пойду. Характер у меня был упертый, как я уже упоминал. У мамы – не менее упертый. Но против меня – ха, бороться было бесполезно. После трех недель противостояния, когда я демонстративно саботировал музыкальную школу, прогуливая занятия, она сдалась.

– Но, – сказала мама, – так просто ты от меня не отделаешься. Учительница музыки будет приходить к тебе домой.

– Хорошо, – ответил я. И подумал, что, по крайней мере, не придется ездить к черту на кулички.

Тут же добрые друзья родителей подарили нам пианино «Заря» – «главное, чтобы мальчик играл», и меня усадили за него. Выяснилось печальное обстоятельство. Пианино мне

сильно велико – я всегда был маленького роста. Решение, впрочем, нашлось. Под попу мне подложили несколько толстенных томов «Советской энциклопедии». Теперь я мог положить руки на клавиши, но не мог дотянуться до педалей.

– Ничего, – сказала учительница музыки по имени Тамара Леонидовна, – пусть пока без педалей «работает», – так она называла игру на пианино, – а потом, даст бог, вырастет.

Она оказалась провидицей, через год я действительно подрос – и дотягивался до педалей. Но Тамары Леонидовны к тому времени в моей жизни не стало. И пианино стояло без дела, как памятник моему упрямству, до тех пор, пока за него не усадили моего младшего брата.

Тамара Леонидовна запомнилась мне злой крючконосой женщиной, похожей на ведьму. Среди черных волос встречались седые, абсолютно белые, пряди. Никогда не видел, чтобы кто-нибудь так седел. Возможно, она выбеливала их специально. Две глубокие морщины тянулись от крыльев хищного носа. Она придерживалась самых жестких правил воспитания учеников, и била меня по рукам, если я что-то неправильно делал. Еще на ладони мне натягивали вязанные перчатки, вставляли в них яблоки, и так заставляли играть гаммы – чтобы я правильно держал руку. Тамара Леонидовна орала по малейшему поводу, называла меня «бестолочь» и «неумеха».

Говорят, многие профессиональные тренеры ведут себя подобным образом, и их подопечные потом становятся олимпийскими чемпионами. Но Тамара Леонидовна не знала, с кем она связалась. Я никогда не признавал над собой ни малейшего насилия. Когда она явилась в очередной раз, я забрался под кровать. Никакие увещания и уговоры на меня не действовали. Я твердо решил, что музыка – это не для меня. И тогда она совершила роковую ошибку, легла на пол, и сунула под кровать руку, пытаясь меня достать. Тут я ее и укусил, поймал сухую музыкальную кисть, и впился прямо в мясо между большим и указательным пальцем зубами. Завопив не своим голосом (почему-то басом), Тамара Леонидовна отдернула руку, вскочила и выбежала в прихожую.

Больше она не появилась. Я потом слышал, как мама по телефону уговаривала ее вернуться. Но Тамара Леонидовна была непреклонна – «к этому зверенышу ни за что». Так я одержал очередную маленькую победу, навсегда избавив себя от необходимости заниматься музыкой.

– Напрасно радуешься, – сказал папа, поправляя очки, – когда-нибудь ты пожалеешь, что не стал заниматься музыкой.

Папа оказался не прав. Я так никогда и не пожалел об упущенной возможности стать Рихтером или другим великим пианистом. И гитару я тоже осваивать не стал. Гитарист в нашей компании вовсе не был ее душой. Душой компании в новые времена был магнитофон. А у меня имелся самый лучший – японский, купленный на лично заработанные деньги. Кстати, пса я назвал в честь знаменитого ударника «Металлики» – Ларса Ульриха.

Уже потом, в юности, я разучил несколько простеньких номеров почти на всех музыкальных инструментах. Я могу сыграть и спеть пару песенок на гитаре, откинуть крышку рояля – и наиграть одну легкую композицию Баха, и даже на баяне умею играть ровно одну песню. Я сознательно не пошел дальше. Эти музыкальные финты нужны мне были только с одной

целью – чтобы произвести впечатление на девушек. И я умело ими пользовался. И финтами, и очарованными моей мнимой разносторонностью девушками...

* * *

В другой раз я переупрямил родителей, когда отказался лечить молочные зубы. В определенный момент они вдруг стали разваливаться, хотя почти не болели. И тогда мама отвела меня в стоматологическую поликлинику, где процветал вопиющий садизм. Зубы рвали наживую, без всякого наркоза, побрызгав чуть-чуть заморозкой. Считалось, что молочные зубы обязательно надо удалять, иначе коренные вырастут больными. Не знаю, кто это придумал. Потому что эта медицинская теория оказалась обыкновенным бредом. После первого же удаления, когда, зафиксировав меня в кресле, «добрый доктор» пассатижами рвал больной зуб, я наотрез отказался снова появляться в Детской стоматологии. Экскулапы-педиатры, между тем, считали, что мне надо выдернуть целых три резца. Я выдержал трехдневное противостояние, с криками, руганью, уговорами и обещаниями всяческих благ. В конце концов, когда я ушел из дома, и меня пришлось ночью искать по улицам, мама сдалась.

– Делай, что хочешь, – сказала она, – ходи без зубов.

Но без зубов мне ходить не пришлось. Мне уже очень немало лет, но до сих пор у меня нет ни одной коронки.

То же самое случилось и с гландами. Не хотелось их терять. Я вообще не люблю расставаться с фрагментами своего организма по прихоти врачей.

– Надо резать! – решил очередной педиатр. – Вот вам направление на операцию.

– Не хочу на операцию, – вскричал я хриплым голосом, горло часто болело, особенно зимой. Скорее всего, потому, что у меня все время были промочены ноги – из-за старой дырявой обуви – и еще потому, что ходил я без шарфа – никому и в голову не приходило мне его купить. Конечно, проще вырвать гланды. И никаких проблем.

– Так мальчик, успокойся, это не страшно. А потом мама купит тебе мороженое.

Но обмануть, подкупить меня мороженым, было попросту невозможно. Я отлично знал все уловки садистов в белых халатах. Я изучил их иезуитскую манеру рассказывать, что это «не больно», а потом втыкать огромные иглы в попу, радостно посмеиваясь от того, что я испытываю жуткие страдания почти несовместимые с жизнью...

Начался новый бой за свободу и независимость. И снова я выстоял и победил. Правда, победа досталась мне дорогой ценой. Я совершил побег из дома на несколько дней и, когда меня нашли с милицией, пообещал, что в следующий раз не вернусь. Я был настроен так решительно тогда, что, и вправду, не вернулся бы, если бы они не передумали. Я уже все продумал – уеду на флот, наймусь юнгой на корабль. Я периодически порывался отправиться на флот, начитавшись книжек о морских приключениях. Ночевать в дни бунта мне пришлось в подвале на трубах – там было тепло, и никто не беспокоил. А лампочка под потолком горела круглые сутки. Правда, ночью меня жутко напугала рыжая кошка. Но и сама она при виде меня испытала не меньший шок, и стрелой метнулась обратно, в крохотное оконце.

Гланды болели долгие годы. Хотя простужался я не чаще остальных мальчишек. Некоторое время я думал, что зря не пошел на операцию. Но потом настали веселые студенческие деньки. Мы с друзьями пили пиво зимой на улице в тридцатиградусный мороз.

Однажды военный с портфелем остановился и некоторое время заворожено глядел, как я лакаю пенный напиток из горлышка, а потом тряс бутылку – и бросаю ее в урну – потому что пиво заледенело, пока я пил.

– Что ж ты делаешь?! – сказал он, укоризненно качая головой. – Колотун же дикий. Ангину подхватишь!

– Не подхвачу, – заявил я уверенно. И снова оказался прав – никакой ангины.

Никому не порекомендую этот способ борьбы с ларингитом, но горло у меня полностью излечилось, и ангины не бывает никогда. В качестве профилактики в самые холода я иногда выпиваю на морозе бутылочку-другую, поминая детских врачей недобрым словом. Иногда мне кажется, медики совсем не разбираются в человеческих организмах, действуя просто и незатейливо – как мясники с тушами – здесь отрежем, это вырвем. Когда-нибудь, уверен, наступят времена, когда нынешнюю медицину признают варварской, а современных врачей будут считать дикарями-экспериментаторами.

* * *

Но вернемся к жившему по соседству мальчику Паше, с которым я играл в шахматы. Наши квартиры находились на одном этаже, напротив. Я жил в тридцать третьей. Он – в тридцать четвертой. Мне было пять лет, я сидел дома, когда в дверь вдруг позвонили. Причем, весьма настойчиво. Я подошел и спросил:

– Кто там?

– Откройте, – попросили из-за двери. – Это из ЖЭК-а.

– Мне мама сказала – никому не открывать, – ответил я.

– Это правильно, – отозвался незнакомец. – Но я ж из ЖЭК-а. Открой, мальчик.

– Не могу, – ответил я. И вспомнил сразу же сказку про волка и семерых козлят. Голос у «сотрудника ЖЭК-а» был грубый и вкрадчивый. Как у опасного хищника.

Он еще некоторое время поугovarивал меня, затем сказал, что придет позже, и ушел – я слышал звук шагов в коридоре...

Я сел смотреть телевизор. А вечером узнал, что незнакомец никуда не ушел. Он только сделал вид, что уходит, а сам вернулся, и позвонил в квартиру напротив. И Паша открыл ему дверь.

Что он делал с Пашей, когда оказался в квартире, я не знаю, конечно – ничего хорошего, но в самом конце моего товарища по шахматам незнакомец с вкрадчивым голосом задушил бельевой веревкой. И скрылся. По-моему, его так и не нашли.

Мучительная смерть Паши повергла меня в такой ужас, что я на долгие годы запомнил: нельзя никому открывать дверь – ни сотрудникам ЖЭК-а, ни сотрудникам милиции, ни даже соседям, потому что их могут взять в заложники – и заставить просить тебя отпереть замок.

Родители проявляли удивительную по нынешним временам беспечность. Я по-прежнему самостоятельно ходил в детский сад. И, возвращаясь из сада домой, проводил многие часы в одиночестве, пока они не приходили с работы. Однажды в магазине мне показалось, что дядька в ондатровой шапке говорит тем же голосом, какой я слышал из-за двери. Я в ужасе убежал домой – и заперся.

В детском саду нам строго-настрого наказали никогда и никуда не ходить с незнакомцами. И не брать у них никакого угощения, если они предлагают. Но все равно нашлась одна девочка, нарушившая это святое правило.

– Марину украли цыгане, – поделилась с нами Марь Иванна.

Моя любознательность не давала мне покоя, и я через некоторое время спросил воспитательницу:

– А у цыган что, своих детей нет?

– Конечно, есть, – Марь Иванна фыркнула. – У них и по десять, и по пятнадцать детей в семье бывает.

– А зачем же им тогда Марина? – удивился я.

– А им все мало, окаянным, – ответила Марь Иванна.

С тех пор я стал опасаться, что меня похитят цыгане. Помню, как испуганно прижался к бабушке, когда мимо нас на Ярославском вокзале прошла толпа женщин в цветастых платьях и платках. Они казались мне воплощением зла.

Страх этот преследовал меня довольно долго. Даже снилось, что меня похищают. А потом, в санатории Мориса Тереза, куда я с родителями поехал на море, я познакомился с мальчиком, которого, и вправду, украли цыгане. Он рассказал, что целый месяц его заставляли просить милостыню возле церкви. А потом он сбежал. Мальчик вовсе не выглядел героем, и я убедился, глядя на него, что раз этот хлюпик сбежал от цыган, то и я легко убегу. Тоже мне похитители. Дают спокойно гулять по улице. Нет бы заковать в кандалы и бросить в темный подвал.

Но все равно, несмотря на то, что я преодолел этот страх, цыгане вызывали у меня не самые добрые чувства. Видимо, так, из детских страхов и развивается ксенофобия. А бывает – и радикальный национализм. Как знать, может, Гитлер в детстве тоже опасался, что его похитят цыгане, евреи или гомосексуалисты. А может, все сразу.

– Лавэ нанэ, бравинто пьасо, – говорю я сегодня, когда очередная цыганка просит меня позолотить ей ручку. Формула действует безотказно. Что возьмешь, с того, кто все пропил?..

Они смотрят недоверчиво – я слишком представитель и импозантен для пропойцы, но все равно отваливают...

* * *

Во времена моего детства педофилы, кровавые маньяки и прочие упыри существовали где-то на периферии сознания советских граждан. О них было не принято говорить. То ли тема была неприличной. То ли они не существовали в столь массово как явление, поскольку истории о них не тиражировались прессой – и не провоцировали появление новых педофилов, кровавых маньяков и прочих упырей. По причине их отсутствия советские дети зачастую разгуливали по улицам сами по себе – с самого раннего возраста.

Я даже не запомнил те времена, когда меня не отпускали одного гулять во двор. Кажется, я всегда был свободен в своих передвижениях. Пока мама или, чаще, бабушка не кричала в окно: « Степа-а-а, домой!» Многочисленные мамы и бабушки моих приятелей и соседей поступали точно так же.

Я дружил тогда с мальчиком Толиком, чей папа частенько распивал под грибком со своими изрядно потрепанными собутыльниками. Мне казалась эта картинка вполне естественной. Толик с глупой физиономией и разбитыми коленками в синих шортиках. Песочница, занятая дядьками, пьющими по кругу из одного стакана. Детишки, гуляющие сами по себе – как кошки.

В один из свободных летних дней (мне было тогда не больше трех лет) Толик решил познакомить меня с помойкой. Отлично помню этот день, когда мы зарылись в перевернутые мусорные баки и принялись извлекать на свет божий всякие интересные вещи... Там меня и застала мама, возвращаясь с работы...

Потом она волокла меня за руку через двор и страшно ругалась. А я кричал, пребывая вне себя от возмущения:

– Ты просто не понимаешь! Там столько всего хорошего!

К тому времени, как она выволокла меня за воротник из кучи мусора, я успел найти старый надтреснутый абажур, телефонный аппарат, огарок свечи и коробку с ржавыми шурупами. Мне казалось в тот момент, что я внезапно обрел богатство. И я был очень благодарен другу Толику, что он открыл для меня кладезь столь удивительных сокровищ.

Но потом, по мере того, как меня отмывали, намыливая жестко и местами даже жестоко, я начинал понимать, что копаться в помойке – это все же не мое. Мне не понравился стойкий запах, он никак не хотел отставать от моего тела. Удушливой вонью также пропиталась вся одежда... Поэтому когда на следующий день Толик предложил вернуться «на помойку», я категорически отказался. Мешал не столько страх наказания, сколько природная брезгливость.

Впоследствии, когда мои приятели, уже школьники, копались на свалках в поисках драгоценных баллончиков из-под репеллента, я стоял в стороне. Баллончики кидались в костер, где с оглушительным грохотом взрывались. Если случалось так, что баллончик полон, то вверх взметались к тому же языки пламени...

Мой рассказ о том, как я открыл для себя помойку, почему-то очень насмешил мою жену. У нее такое чувство юмора – никогда не знаешь, что ее развеселит. Но, вообще, нам здорово удастся веселиться вместе. Мне воспоминание о помойке тоже представляется забавным. Во всяком случае, когда одна из моих дочурок как-то предложила мне на полном серьезе забрать выставленный на помойку офисный стул (ей тоже было около трех), я лишь слегка пожурил ее, объяснив, что копаться в мусоре – нехорошо. Это удел тех дядь, у которых нет дома. Потому что в молодости они не хотели работать, и слишком часто сидели под грибком в детской песочнице. Мне кажется, она меня поняла.

* * *

Я учился уже во втором классе школы, когда ко мне во дворе подошла какая-то женщина. К тому времени, детсадовские наставления я забыл, но не был вполне беспечен. Хотя времена, конечно, были не настолько жестокие как немногим позже.

– Сынок, – попросила она, – помоги сумку донести.

Я охотно согласился. Сумка была очень легкая. Как будто набита газетами. И я удивился, что она сама не справилась. Мы прошли несколько домов. Она открыла дверь в подъезд. И тут я остановился. Что-то в ее поведении меня насторожило. Я задрал голову, и увидел, что с балкона вниз смотрит какой-то мужик с неприятной физиономией. Глядел он прямо на меня, выжидательно.

– Ну, что, пойдем? – сказала женщина.

– Все, – я поставил сумку, – я очень спешу. Дальше вы сами.

Тут она вдруг резко прыгнула ко мне и вцепилась в руку:

– Ну-ка стой! Куда ты?!

Мужик тем временем исчез с балкона. А тетка, чье лицо резко стало очень злым, поволокла меня к подъезду, приговаривая: «Пошли, пошли...» О сумке она сразу забыла.

Я довольно ловко вывернулся и побежал через улицу. Оглянулся на бегу. И увидел, что из подъезда появился мужик и остановился рядом с ней. Больше я не оглядывался. Бежал до самого дома... До сих пор не знаю, какой опасности избежал. Но твердо уверен – они хотели заманить меня в квартиру... По счастью, у меня очень развита интуиция. И только поэтому я сегодня жив. Уже в юности меня ждали события страшнее – без звериной интуиции я бы их не прошел.

* * *

В детстве, как большинство мальчишек, я испытывал непреодолимое желание что-нибудь где-нибудь взорвать. Не знаю, откуда в маленьких мужичках такая одержимость взрывчатыми веществами. Возможно, это генетическая память. В наличие которой я, впрочем, совсем не верю. А может, это мощный деструктивный инстинкт, наличествующий во всех представителях мужского пола... Тяга к разрушению до основания у нас в крови. Чтобы затем построить все заново? Или снова разрушить? О, эта магическая картина, когда в одночасье целый дом с

утробным гулом ухает вниз, обращается в труху. Лучше бы, конечно, вместе с жителями. Но можно и без них. Разумеется, в детстве подобная катастрофа труднодостижима. Но к ней надо стремиться. Это знает каждый порядочный дворовый хулиган.

Впоследствии, уже будучи учеником одиннадцатого класса, и волею судеб (точнее, волею моих родителей) попав в биолого-химический лицей, я узнал, что такое настоящие взрывы. Кому еще их было организовывать, как не юным одаренным химикам? Особенно усердствовал в этом деле один из моих соучеников. Назовем его очередным вымышленным именем, скажем, Валерий Ключников – поскольку сейчас это уважаемый и очень небедный человек, главный патологоанатом одного из центральных столичных моргов. Мы почти не видимся сегодня, к сожалению. А может, и к счастью. Протекция по его роду деятельности мне, слава богу, совсем не нужна. Так что я ему не звоню. К тому же, в памяти у меня Ключников прочно засел как фанатичный подрывник, не способный думать ни о чем другом.

Кстати, по этой мрачной профессиональной линии Валера пошел отнюдь не случайно. Патанатомия в их семье была династийным делом. Дед Ключникова был патологоанатомом по призванию, его отец был патологоанатомом по призванию, и старший брат был патологоанатомом по призванию. У Валеры не было ни единого шанса стать кем-то еще. В определенный момент (скорее всего, во времена дедушкиной юности) семья усвоила, что профессия эта прибыльная – и началась династия Ключниковых. К тому же, с мертвецами, это знает всякий врач, куда меньше проблем, чем с живыми пациентами. И коллеги тебя уважают. Потому что ты единственный, кто в точности знает диагноз. И может указать на чужие ошибки. А при необходимости и скрыть их. В общем, Валера Ключников двигался прямой дорогой в мединститут, через биолого-химический класс специализированного лицея. Он считался одним из самых талантливых учеников, и потому ему многое сходило с рук. Но когда в одиннадцатом классе он увлекся подрывным делом, и чуть не подставил меня, его все же с треском вышибли. Результатом его деятельности стала сначала взорванная дверь кабинета химии, затем – туалет на втором этаже. И напоследок – он совершил самое главное злодеяние, за которое и был отчислен. Я тоже поучаствовал, но ко мне отнеслись куда лояльнее. На Валериной совести уже было несколько проступков, и все решили, что зачинщиком был он. А я лишь помогал в деле. Собственно, так оно и было.

Но к этой истории я еще вернусь. Пока же немного практики.

В раннем детстве я, как все советские мальчишки, обожал пистоны. Достать их было довольно трудно – во времена тотального дефицита даже самую пустяковую хреновину не найдешь днем с огнем. Но иногда они неожиданно появлялись на витринах магазинов, свернутые в маленькие рулончики, и расходились моментально. Пистонами можно было зарядить игрушечный пистолет. При ударе бойка раздавался выстрел. А можно было просто их взрывать, положив на камень, и ударяя по пистонам другим камнем. Пороха в них было настолько мало, что развлечение это было абсолютно безобидным. Я обожал также жечь пистоны. Лента горела, и издавала громкие бабахи через ровные промежутки времени. Вот бы сейчас достать пистонов, и сжечь пару лент. Но боюсь, коллеги по работе меня не поймут...

На смену пистонам с возрастом пришла селитрованная бумага и карбид. Бумагу мы изготавливали сами, размачивая в тазике удобрение «натриевая селитра» – в полученный раствор я макал газету, а затем сушил ее на балконе. Селитрованная бумага отлично годилась для изготовления мини-бомбочек. В комплекте также была сера со спичек, магний и марганец. На стройках мы находили карбид. Редкая вещь, поэтому им мы запасались с избытком, делая

всюду в сухих местах нычки. Достаточно было налить в бутылку воды, сунуть кусок карбида, и швырнуть подальше – она взрывалась, как граната.

Один паренек из моего района утверждал, что бутылку сначала надо хорошенько взболтать. За что и поплатился. Она взорвалась у него прямо в руке. Пальцев он не лишился, но руку зашивали в больнице...

Время от времени, найдя где-нибудь баллончики от репеллента и дихлофоса, или просто купив их в магазине (иногда догадливые тетки-продавщицы отказывались продавать), мы швыряли их в костер, разведенный на пустыре. А затем наслаждались результатом, отбежав подальше. «Бум!» был слышен во всем микрорайоне. От костра разлетались огненные кометы горящих углей. Особенно красиво это выглядело в вечернее время. Были еще строительные патроны (их тоже находили на стройках). И «дюбеля» – пульки от самых дешевых стартовых пистолетов. Были и стандартные пули – и от стартовых и от обычных пистолетов. Но их бросать в костер я боялся. Весь район знал, что такой пулей «убило одного мальчика». Впрочем, подозреваю, это был слух, специально запущенный родителями. Потому что этого самого «одного мальчика» до его эфемерной смерти я никогда не видел.

Рыжий с гоп-компанией как обычно пошли дальше всех. Они нашли себе «очень веселое» развлечение. Бутылка с карбидом закидывалась в закрывающийся лифт, где уже находился человек. Несчастной женщине средних лет после такого броска посекло осколками лицо. Кроме того, она так испугалась от неожиданности, что стала заикаться. И опять все эти хулиганские выходки сошли им с рук.

С лифтами у Банды вообще случился роман на долгие годы. Сани потом рассказывал мне, как они грабили в лифтах женщин. Пока Сани обшаривал очередной жертве карманы, Рыжий щупал их грудь. На этом он в конце концов и погорел – одна из жертв его опознала, несмотря на чулок на голове. Но в колонию он отправился ненадолго – преступление сочли недостаточно тяжким для серьезного срока, ведь изнасилования не было, да и трясли они мелочь. Так что довольно скоро Рыжий вернулся. И конечно, взялся за старое. По-другому, увы, бывает редко.

Есть подозрение, нынешним детишкам заменяют все изощренные самодельные взрывные устройства готовые петарды и фейерверки...

Первую петарду привезла из командировки в Румынию мама моего приятеля. Только представьте, ей сказали, что это – отличная игрушка для ребенка. Должно быть, мамаша полала, что везет сыну что-то вроде хлопушки или бенгальского огня. Но мы интуитивно знали, как правильно обращаться с подобными вещами. Подожгли петарду и сунули ее в бутылку из-под шампанского. Прямо у приятеля дома. Взрыв был такой, что едва не вылетели оконные стекла. Осколки свистели, как пули – вонзаясь в ковер на стене, стопки книг и стенные шкафы. Только чудом никто не пострадал. Мы были испуганы, но очень довольны.

Когда мама в следующий раз спросила сына, что привезти из Румынии, он с горящими глазами заявил:

– Петарды!

– Больше тебе ничего не нужно?! – вскричала мама. – Обойдешься!

Сейчас такое сложно даже представить, но тогда с петардами спокойно пускали в самолет. Как будто это безобидная штукovina, не способная принести вред...

Уже будучи совсем взрослым, лет восемнадцати от роду, я обнаружил дома у своего полукриминального друга, байкера Трэша, целый набор гранат, в том числе противотанковых, и обрадовался, как ребенок. Все-таки детство никуда не уходит. Все наши привычки остаются с нами.

– Трэш! – вскричал я. – Давай их где-нибудь взорвем...

– Ты что?! – возмутился он, отбирая у меня лимонку. – Мне они нужны.

– Зачем?

– Как зачем? На рыбалку ездить. – По серьезному выражению лица я понял, что он вовсе не шутит.

Трэш, и правда, периодически отправлялся на рыбалку. Причем, ездил очень и очень далеко. В компании таких же «ночных волков». Само собой, на мотоциклах. Удочек ребята с собой не брали. Видимо, им тоже не давали покоя детские привычки – их обуревало острое желание что-нибудь взорвать...

Отчисленный из лицея Валера Ключников отлично бы их понял. Как-то раз он заявился ко мне домой со сварочным аппаратом и обрезком железной трубы.

– Будь другом, – попросил он, – очень хочу эксперимент провести. По химии...

Поначалу я ничего не заподозрил.

– А почему у меня?

– Гляди, – он деловито прошел в квартиру, где я временно проживал один – родители были в санатории. Ключников проследовал на балкон: – У тебя перила железные, – сказал он и постучал по ним обрезком трубы.

– И что?

– Это очень хорошо. Смотри, сюда я приварю трубу. Здесь я заварю ее, с этой стороны. А эту оставим. Получится что-то вроде пушки.

– Ха, – сказал я. В конце концов, я был отвязным парнем. Идея с пушкой на моем балконе показалась мне весьма забавной. Мне даже было наплевать на то, что скажут родители. Я чувствовал себя полновластным хозяином флэта: – Давай, приваривай.

Ключников взялся за сварочный аппарат (владел он им отлично – учился специально) и довольно быстро приладил к перилам «пушку». Затем он засыпал в нее какую-то смесь из банки и стал озабоченно бродить по моей квартире, то и дело хватая самые разные вещи, при этом постоянно бормотал под нос.

– В чем дело? – спросил я наконец.

– Снаряд забыл, – сказал Ключников. – Надо же опробовать – далеко ли он улетит.

Я несколько обеспокоился. Но ближайший дом находился за сквером, до него было метров сто, не меньше. К тому же, Валера успокоил меня, сказав, что, скорее всего, ничего не получится. А если получится, то снаряд улетит недалеко. «Мы увидим – куда упал».

Мы принялись искать подходящую металлическую болванку вместе. В конце концов, нашли молоток. Ключников заколотил его другим молотком (побольше) глубоко в трубу. И без всяких предисловий принялся жечь ее сварочным аппаратом, чтобы вызвать детонацию заряда...

Я упустил момент, когда все произошло. Почувствовал только удар, как будто меня мощно шибанули в грудь и по лицу, отлетел в угол балкона... и тут же понял, что почти ничего не слышу – только звон. Последствия взрыва выглядели ужасно. Перила выгнулись дугой. В бетоне зияла громадная дыра. Труба улетела в неизвестном направлении. А «снаряд» – молоток, как выяснилось вскоре, легко преодолел расстояние до дома напротив, влетел в кухню, где обедала сразу ставшая седой семья из трех человек, пробил стену, и разнес вдребезги унитаз в уборной.

Еще лежа на полу в углу балкона, я ощутил, как сердце упало – понял, что произошло непоправимое. И главное, скрывать следы преступления было бесполезно. По состоянию балкона можно было сразу понять, откуда произведен молоточный выстрел.

Вскоре нас повязала милиция... Затем родители приехали из санатория на неделю раньше срока. Потом началась еще большая катавасия. Из милиции сообщили в школу. Приходил и бешено орал пострадавший от выстрела мужик. Родителям пришлось частично оплатить ему моральные расходы. В конце концов, Ключникова выгнали из школы. А меня оставили доучиваться – объявив строжайший выговор. Впрочем, он никак не повлиял на мою дальнейшую судьбу.

После этой истории интерес к взрывному делу я потерял надолго. Тем более, что мне все равно не удалось бы приготовить столь адскую смесь, как гениальному Валере Ключникову. Он утверждал, что может сделать бомбу даже из печенья. Он мог бы стать отличным взрывотехником (ведь есть же такая профессия). Но семья не позволила – и вылепила из него очередного потомственного патологоанатома. Не знаю, счастлив ли Валера, вскрывая трупы. Но машина у него большая и красивая. Жена тоже. Пожалуй, даже слишком большая. Глядя на нее в первый раз, я, помнится, подумал: «Секс-бомба. Личная собственность подрывника Ключникова».

* * *

Теперь я понимаю, как не повезло ребятишкам, у которых в детстве не было ни дачи, ни пусть даже просто домика в деревне у бабушки. Им приходилось торчать в пыльном городе все летние каникулы и маяться бездельем.

Меня же вывозили на дачу в принудительном порядке, поэтому я очень завидовал тем, кто остался в городе. Почему-то мне казалось, тем, кто остался, всегда есть, чем заняться. И это «что-то» непременно весело и задорно. Во всяком случае, «что-то» куда лучше, чем полоть

огород, пилить дрова или закапывать мусор – под него регулярно детскими силами копались в лесу глубокие ямы, поэтому к середине лета мозоли на руках у меня были, как у опытного могильщика.

Впрочем, одними только домашними делами пребывание на даче не ограничивалось. Я гулял по окрестностям со своим дачным другом Лехой (в городе мы никогда не виделись), катался на велосипедах, ловил рыбу, чуть повзрослев, знакомился с девочками, даже «женой» Полиной обзавелся. В общем, дача – огромный кусок жизни, отделенный от жизни городской стокилометровой дорогой. На даче я превращался в настоящего сельского жителя, так мне во всяком случае казалось – ходил в разнообразной рванине, принадлежавшей моим предкам – потому что «зачем портить хорошую одежду» – старые залатанные брюки, кофта в заплатках, рубаха до колен – если заправить в брюки, то незаметно. Ездил я на взрослом велосипеде с рамой. Поскольку я был очень маленького роста, мне с трудом удавалось на него вскарабкаться. Сначала я вставал на одну педаль, разгонялся, как на самокате, перекидывал ногу – и усаживался на сиденье. До педалей доставал с трудом, но как-то умудрялся ездить, не отставая от остальных. Нас была целая компания – детишек дачников. Все примерно одного возраста. Я, правда, младше всех. Зато и вреднее, безусловно, тоже. Любую проказу я умел превратить в опасную каверзу, грозящую смертью всем, кто в ней участвовал. И это далеко не преувеличение.

К примеру, ребята ходили плющить гвозди и монеты на железную дорогу. Пошел и я с ними. Довольно быстро это занятие мне наскучило. И я положил на рельсы огромный булыжник – из тех, что составляют насыпь. Товарняк промчался с грохотом, мелкие каменные осколки, как пули, просвистели у нас над головами. Раздался крик – и Миша упал, как подкошенный. Один из осколков угодил ему прямо в голову. После этого две недели он ходил с забинтованной башкой, словно раненый на войне фронтовик. Этими же камнями с железной дороги я придумал швыряться по электрическим столбам – нашей целью были белые керамические изоляторы. Они лопались с приятным «дзы-ынь». Попасть по ним было непросто, но мы очень старались. За одно лето мы перебили сотни этих самых изоляторов. Представляю, как потом ругались ответственные товарищи, наблюдая эдакий акт вандализма. Железной дороге наши упражнения на меткость, должно быть, обошлись в копеечку.

Впрочем, в нашем хулиганстве не было злого умысла и даже логики. Так, убежден, действуют и некоторые взрослые преступники. Они совершают свои поступки по недомыслию, будучи уверены, что никому не приносят вреда, и им ничего за это не будет... Мы били в пруду бутылки, а потом сами же резали ноги, когда купались. Ловили сетью рыбу на водохранилище (хотя знали, что это категорически запрещено), а потом отпускали ее. Воровали в местном городке на складе камеры, чтобы плавать на них – и камеры, как правило, оказывались старыми и дырявыми. Причем, хулиганство наше было бесконечно изобретательным, поскольку порождалось моим зловредным разумом. Он не дремал ни секунды, выдавая все новые поводы для того, чтобы влезть в неприятности.

Однажды я стоял и крутил в руках ракетку от бадминтона. А мимо на огромной скорости неся на велосипеде соседский мальчик Вася. Он был на пару лет старше меня. Не раздумывая ни секунды о последствиях, я запустил ракетку в переднее колесо, и она напрочь его застопорила. Надо было видеть, как Вася летел. С громким криком, через руль, велосипед при этом совершил красивый кульбит. Он разбил локти, колени и лицо и весь окровавленный, плача, поспешил домой... Разумеется, через некоторое время к нам на дачу прибежала его мама.

Она обзывала меня «негодяем», «хулиганом» и даже «малолетним подонком». Помнится, меня наказали, лишив прогулок на весь следующий день.

Вася, в сущности, был очень хорошим юморным парнем. Зачем я так поступил, я не могу объяснить и поныне. Это был просто рефлекс хулигана, привыкшего действовать абсолютно бездумно... Через многие годы я узнал, что Васю обманули с квартирой – он вложил деньги в строительство, а дом так и не построили – а потом его тело нашли в сгоревшей машине. Убийц так и не нашли...

Однажды мои приятели придумали весьма безобидное развлечение – наклеить и расставить на дороге глиняных человечков. Машина проезжала – и давила кого-нибудь из них. Пока она ехала, мальчишки прятались в засаде. Я усовершенствовал затею, подумав, что в человечка запросто можно вмонтировать острый гвоздь. Забава сразу приобрела для меня остроту и интерес... Водитель пострадавшего автомобиля долго гнался за нами, поймал нашего приятеля Мишу и отвел его к родителям. Им пришлось оплатить шиномонтаж...

Однажды на водохранилище мы с Лехой обнаружили прибитый к берегу плот и длинный шест на нем. И немедленно отправились в плавание. Посреди водохранилища, очень далеко от берега, лежала старая ель. Должно быть, ее повалило во время недавней бури и отнесло к середине водоема. Здесь она зацепилась ветками за дно, все поросшее бурыми водорослями. Леха бесстрашно ступил на древесный ствол и пошел по нему от плота. Когда он обернулся, я, радостно хохоча, уже отчалил, изо всех сил упираясь шестом в дно. Отплыв подальше, я принялся махать своему другу и едва живот не надорвал, корчась от смеха, наблюдая, как он бежит вдоль елки и умоляет меня вернуться. Плавать на водохранилище было категорически запрещено, как и ловить рыбу, к тому же стоял поздний август – и было довольно холодно... Я и не подумал вернуться. Подогнал плот к берегу, еще раз махнул Лехе – его было едва видно – и поехал домой обедать. От радости совершенного вредительства я изрядно проголодался.

Отобедав, в отличном настроении, я вернулся обратно, предвкушая, как будет ругаться мой друг, когда я стану вытаскивать его с елки. Выйдя на берег возле плота, я порядком струхнул. На дереве Лехи не было. Не видно его было и на спокойной водной глади. Меня прошиб холодный пот – неужели решил добираться вплавь, и... утонул?! Я оседлал велосипед и со всей возможной скоростью помчался домой к своему другу. Выяснилось, что он уже там. С ели его снял инспектор рыбнадзора на моторной лодке и, проведя суровую беседу, отпустил на все четыре стороны. Поскольку Леха обладал добрым и покладистым характером, на меня он совсем не обижался...

Долгие годы, точнее – каждое лето – я лелеял ограбление местного сельпо. Но даже для меня в те годы было понятно, что за такое нам обязательно что-нибудь будет. И простой поркой дело не ограничится. К тому же, я вовсе не собирался лезть в магазин сам. Мне нужны были исполнители. Я же готов был представить им фактически безупречный план. И если бы все прошло, как я планировал, мы завладели бы целой горой пива. Всего и нужно было забраться на чердак, окно туда никогда не закрывалось, и через дощатый потолок с помощью «кошки» подтянуть к себе ящик. После чего переложить пиво в сумки – и слезть с крыши. «Кошку» я самолично соорудил из гнутых гвоздей и прочной бечевки... Исполнители нашлись в один из дачных сезонов. Мой приятель по имени Сережка и мой двоюродный брат Гена, который к тому времени уже поступил в университет. Он был старше меня на пару лет, но интеллектуально, как видите, сильно отставал.

Вместо того, чтобы просто тягать ящики, эта парочка решила с чердака проникнуть внутрь – поскольку в магазине стоял сейф. Они стали отдиравать потолочные доски. Скрежет привлек местных жителей, и они вызвали милицию. В результате, Сережу и Гену повязали. Их увозили с ограбления в наручниках – как опытных рецидивистов. «Кошка» стала вещественным доказательством – что кражу они планировали. К тому же, немедленно выяснилось, что в районе совсем недавно было ограблено несколько продовольственных магазинов. Так что все эти кражи со взломом очень удобно было повесить на парочку идиотов... Понятия не имею, сколько денег заплатили родители, чтобы отмазать юных грабителей, но, вероятно, очень немало. Во всяком случае, дальнейший путь их с криминалом никак не был связан. Мой двоюродный брат – вполне достойный отец семейства. Пузатый и спокойный. Ограбление сельпо вспоминать не любит. Хотя я регулярно ему напоминаю эту историю.

Вообще, на даче Гена появлялся нечасто. Предпочитал проводить время в городе. Его родители предоставляли ему куда больше свободы, чем полагалось мне. Мы не были сильно дружны, и когда Гена приезжал, могли переносить друг друга ровно два дня. После чего начинали ругаться. Поводы находились сами собой.

Отец Геннадия, мой дядя, увлекался радиоэлектроникой, и в один из приездов Гена притащил с собой пару раций – чтобы переговариваться на расстоянии. Мы немедленно разбились на пары (он – с Мишей, я – с Лехой) – и разбрелись по дачному поселку, проверяя рации на дальность. «Прием! Это Степа! Ты меня слышишь?» «Прием, я тебя слышу!» Так продолжалось примерно с полчаса, пока из рации вдруг не раздалось: «О черт! Бегите!» После чего на все мои: «Прием! Прием!» брат больше не отвечал. Ничуть не встревожившись – должно было случиться что-нибудь посерьезнее, чтобы затронуть нашу беспечность – мы направились к дому. Миновали овраг, прошли еще метров двести, как вдруг увидели стремглав бегущего к нам худого мужчину с бородкой. Он напоминал молодого Ленина, с растрепанной редющей рыжеватой шевелюрой. На шее незнакомца болталась рация Геннадия. Он схватил меня за плечи и заорал что было сил:

– Сколько звезд у отца на погонах?!

Тут я изрядно струхнул. Потому что сразу понял, что имею дело с настоящим сумасшедшим. Это было заметно по его поведению, по тому, как подрагивали ноздри, к тому же на губах у него вздулся пузырь слюны.

– Не знаю, – пробормотал я.

– Что вам от нас нужно? – заканючил Леха.

Мужик тем временем отобрал у меня рацию, повесил ее себе на шею и заявил:

– Эти рации настроены на милицейскую волну. Сколько звездочек у отца на погонах?!

– Нет у моего отца никаких звездочек, – сказал я.

– Тогда идите к вам домой, я поговорю со взрослыми, – заявил дядька.

И мы пошли. По дороге он рассказал, что увидел рацию у Геннадия, поймал его, дал ему пинка и рацию отнял. После чего Геннадий и Миша от мужика убежали, напуганные его

странными вопросами и диковатым внешним видом. Пока мы шли, психопат то и дело потрясал рациями и восклицал: «Какая удача! Ну, надо же, какая удача!»

У калитки дачи нас ожидал мой дедушка. Надо сказать, весьма непростой человек, с очень сложным характером и тяжелой судьбой – сначала он прошел всю войну, а потом просидел семь лет в лагерях за то, что задавил кого-то на машине. Разговаривать и с нормальными и с больными на всю голову он умел. Первым делом, ни слова не говоря, он снял с шеи мужика рации и повесил их на свою шею. Тот, почувствовал, что сопротивляться не стоит. Только представился:

– Здравствуйте, я из Общества святого архангела.

– Радостно слышать, – отвечивал дедушка, – а я пока еще здоров.

Мужик то ли не заметил иронии, то ли никак не нее не отреагировал.

– Какое у вас звание? – поинтересовался он.

– В войну ефрейтором был, – ответил дед, внимательно разглядывая незваного гостя.

– Товарищ генерал, – без тени шутки обратился к нему похожий на Ленина субъект, – эти рации настроены на милицейскую волну. Их можно использовать, чтобы прослушивать разговоры милицейских патрулей...

– Так, – сказал дед, обращаясь к нам, – пацаны, идите в дом, Гена с Мишей уже там...

Мы проскользнули в калитку. И дальнейшего разговора не слышали. Но, когда дедушка вернулся, он покрутил пальцем у виска и заметил:

– Всяких психов видел. Но этот – явно откуда-то сбежал.

По счастью, представителя Общества святого архангела нам больше встречать не доводилось. Но от греха подальше Гена увез рации с дачи и больше не привозил.

– И сам лучше пока не приезжай, – напутствовал его дедушка. – Без тебя как-то спокойнее.

* * *

Наверное, мне это только кажется, потому что я обитаю в среде условно нормальных, но городские сумасшедшие теперь почти исчезли. Во времена моего детства их было предостаточно.

Чего только стоит бабка-уборщица в школе, где я учился. Она щипала мальчишек за тощие зады, подкравшись незаметно, и орала не своим голосом: «Козел с бородой, пойдёшь девочку подОй». Я так и не смог никогда уразуметь, что она имела в виду. Но точно знаю – какую-то непристойность. Попробуем понять. В бабкиной кричалке содержался явный намек на вымя. Под выменем она, видимо, подразумевала грудь. А нам, мальчишкам, «козлам с бородой», очевидно, надлежало эту грудь «подоить». В общем, логическому осмыслению эти

выкрики не поддаются. До сих пор не понимаю, почему эту безумицу держали в школьных стенах? Может, она была родственницей директрисы? Или завуча? Или ее просто жалели?.. Отпетые хулиганы бабку дразнили. Но большинство учеников ее сторонились. Опасения были справедливы, как выяснилось позже. Однажды одного особо рьяного хулигана она ударила шваброй прямо в лоб. И так удачно попала, что он окосел на один глаз – повредились нервы. И даже после этого громкого события (впрочем, его довольно быстро замяли) бабку оставили на работе. Не иначе ее брали в уборщицы по большой протекции из министерства. Не удивлюсь даже, если министром был ее сын. Слишком уж удивительно было присутствие этого явно свихнувшегося человека среди детей.

Неподалеку от школы жил Дед – Садовод. Все его так и звали. Потому что, переехав в город, он не смог жить вдалеке от земли – и разбил под окнами сад. Поначалу квартиру деду дали на третьем этаже. Он умолил соседей с первого этажа поменяться с ним. И затем приступил к делу. Благо окна выходили во двор, а не к подъездам. Свой садик Дед-садовод огородил и бережно охранял от посягательств. Районным властям эта собственническая политика по захвату городских земель поначалу очень не понравилась. Они собирались раскулачить деда. Но за него неожиданно заступились сердобольные жильцы, и власти от него отстали. Дед поначалу, говорят, был вполне вменяем. Но годы брали свое. К тому же, он попивал – что тоже сказывалось на интеллекте. И вот уже он стал возводить ограду все выше и выше. Пока она не стала напоминать частокол. И жильцы уже были совсем не рады, что заступились за Деда. Затем на колья своей ограды Дед-Садовод принялся насаживать головы кукол. Вскоре его палисадничек походил на вотчину жестокого свирепого феодала. Плетеная ограда в полтора метра высотой и множество кольев с отрубленными головами – для устрашения врагов. Когда кто-то проходил мимо окон, Дед-Садовод высовывался в окно, и обкладывал прохожего трехэтажным матом. Некоторые Деда игнорировали. Другие – орали в ответ. Один пылкий молодой человек пытался деда побить. Но тот законсервировался в квартире и кричал из окна, что вызовет милицию. И действительно, вызвал. После чего молодого человека, не разбираясь, увезли в отделение. Шизоидный феодализм кончился обширным инсультом. Садик деда в его отсутствие очень быстро захирел, головы растащила детвора, она же сломала ограду, цветы сорвали и вытоптали. Дед при этом еще не умер. Я видел через стекло его перекошенное лицо. Будучи почти парализован, он сидел в квартире, за окном, и наблюдал, как ребяташки рвут выращенные им цветы и перекидывают друг дружке головы кукол...

Помню также Петю-дурачка. Он вечно играл на детской площадке с малышами и младшими школьниками. Поначалу Петя был безобидным. И мы воспринимали его, как своего. Но потом дурачка неожиданно заинтересовали половые вопросы. Он все чаще стал приставать к ребятам с предложением показать свою пиписку, делился с нами откровением, что «хрен у него уже вырос». Вследствие ли подросшей пиписки, а может по каким-то другим причинам, Петя вскоре исчез. Должно быть, его направили на лечение. А может быть, несчастная Петина мать увезла его куда подальше от греха. Хорошо помню эту женщину с вечно горестным лицом (ох уж эти благодетели, берущие на себя труд воспитывать имбецилов – и хоронящие в результате свою жизнь). Хотя в Петиней ситуации ему скорее помогла бы не смена обстановки, а добровольная химическая кастрация. Но о такой тогда, увы, слухом не слыхивали.

Возле школы время от времени появлялся трехпалый. Сейчас этого паренька называли бы мутантом. Тогда такого слова не знали. Поэтому его звали просто – уродом. Хотя я предпочитал так и называть его – Трехпалый. Имя у Трехпалого тоже было, но я его не знал. У удивительного мутанта было натурально по три пальца на руках. Таким уж он уродился. Несмотря на то, что ему было лет десять, в школу Трехпалый не ходил. По-моему, он целыми днями оши-

вался по улицам. И уже начал курить. У большинства девчонок из нашего класса этот бедняга вызывал брезгливое отвращение. У мальчишек – жгучий интерес. Некоторые не верили, что он таким уродился, и считали, что пальцы ему отрубили в детстве. Лично я был убежден, что Трехпалый стал таким в результате научных экспериментов. Я просил его вытянуть ладони, и долго их с интересом разглядывал. Отлично видно было, что пальцы ему никто не рубил. Абсолютно гладкая кожа. И три пальца – оттопыренный большой, мизинец, и еще один посередине. Из-за этого ладошка Трехпалого была совсем узкой. Этой уродливой кистью он владел, впрочем, очень ловко. Извлекал из пачки сигарету, совал в рот, брал спички, открывал коробок, чиркал одной и подносил к кончику сигареты. Я заворожено смотрел, как он действует своими странными руками, как прикуривает... У меня сложилось впечатление, что Трехпалый страдал некоторым умственным расстройством – следствием чего была заторможенность, неспособность связно мыслить. Трехпалый, как и Петя-дурачок, загадочным образом исчез. Поэтому я, увы, не смогу рассказать, что с ним стало. Может, его забрали другие трехпалые с планеты, откуда он прилетел. В эту версию я, впрочем, нисколько не верю.

В нашем районе также жила совершенно безумная старуха. Ее можно было наблюдать то тут, то там. Одевалась она всегда в черные тряпки. Поэтому ее прозвали Черной вдовой. Вроде бы, в прошлом у старухи случилась страшная трагедия – погибла вся семья, включая маленьких детей. Она бродила по району с крайне озабоченным видом – как будто у нее полным-полно проблем, требующих срочного разрешения. Время от времени она кидалась на людей и кричала нечто невразумительное. Однажды я наблюдал чудовищную сцену в автобусе. Старушечка в своей обычной манере шлепалась по полупустому салону, когда вдруг заметила в сумке одной из пассажирок неуместно торчащие куриные лапы. Издав нечленораздельный вопль, шизофреничка накинута на несчастную, стала вырывать сумку и орать что-то про сатану и его слуг с их черными ритуалами. Переполошились все. Вконец озверевшую старуху отдирали от женщины всем миром. Я с интересом впитывал происходящее. Водителю пришлось остановить по требованию пассажиров автобус – он был крайне недоволен, что выходит из графика. Бабку скрутили и выволокли наружу. Там крепкие пассажиры автобуса держали ее под руки, дожидаясь приезда психиатрической скорой – неотложку вызвал по рации водитель.

Еще был Мусорщик, мой сосед по дому. Представительный, элегантно одетый мужчина, в деловом костюме, с гривой седых волос, в очках. Глядя на него, никто не смог бы подумать, что он шарит по помойкам. Мусорщик раньше был профессором математики. Об этом знал весь дом. Выйдя на пенсию, он почувствовал себя не у дел. И решил собирать на дому какие-то хитрые приборы. За деталями он отправился на ближайшую свалку. Она находилась у вьетнамского общежития. Вьетнамцев дурной запах и горы мусора нисколько не смущали. Она жарили селедку – ее дух было ничем не перешибить. Так что им было по фигу, тем, кто выбрасывал сюда мусор, тоже по фигу, и городским властям – по фигу больше всех. Профессор, к своему удивлению, обнаружил на свалке множество полезных, как ему показалось, вещей. Он отнес их к себе в квартиру, и приспособил к делу. На следующий день он снова пошел к вьетнамскому общежитию – и опять вернулся с добычей... Вскоре визиты стали регулярны. Постепенно его возненавидел весь дом, поскольку из квартиры Мусорщика ползли в бешеных количествах муравьи и тараканы. Травить их было бесполезно, поскольку гнездовье находилось на жилплощади Профессора. Когда к нему однажды пришла милиция, выяснилось, что жилого пространства в доме осталось самую малость – на кухне. Все остальное занимает мусор. Горы всякого бесполезного хлама! Через эти залежи можно пролезть, только протискиваясь в узкую щель у самого потолка. Милиционерам профессор демонстрировал «почти новую демисезонную куртку», которую «еще вполне можно носить, только рукав пришить». Те развели руками, сказали, что нет такого закона, чтобы заставить человека выбросить мусор, что в своей квар-

тире, выданной государством, люди могут делать все, что их больной душе угодно, главное – чтобы без убийств и насилия – и ушли... Люди у нас, с одной стороны, широты необыкновенной, и могут последнюю рубашку с тела снять, но, если их загонишь в угол, становятся злы необыкновенно. Беднягу Мусорщика через некоторое время нашли с пробитой головой возле вьетнамского общежития. Избили его жестоко. Сломали руки, ноги, ребра... Он вскоре умер в больнице от побоев.

Были и другие странные граждане, так или иначе проявлявшие себя. Спальный район, где я рос, весь был наполнен красочной публикой, персонажами, каждый из которых способен был оставить отпечаток в памяти впечатлительного ребенка... А теперь что? Серая толпа проплывает за окнами моего автомобиля. Я проезжаю мимо будки охраны, под поднятый шлагбаум, ставлю машину на стоянку и иду к лифту.

Погодите. Я должен выйти на балкон, осмотреться... Вдруг я ошибся?... Выхожу. Оглядываюсь кругом. Ничего необычного. Под балконом между моим элитным домом и соседним домом типовой застройки – детская площадка с качельками. На площадке чудесным образом сохранилась металлоконструкция для выбивания ковров – никогда не видел, чтобы ею кто-то воспользовался. Девушка в белой куртке выгуливает собаку-колли. Два дворника, таджики, красят бордюр в желтый и зеленый цвета – те же, что и в прошлом году – обновляют. Черная тощая кошка пробирается вдоль дома, осторожно ступая лапками... Ни одного безумца не вижу я, ни единого яркого представителя рода человеческого... То ли люди стали нормальнее. То ли, что куда вероятнее, я навсегда покинул такой тонкий мирок детства, где еще возможна встреча с подобными персонажами. Где они западают в память, чтобы остаться в ней навсегда...

* * *

С самого раннего детства я отличался ярко выраженной индивидуальностью. Поэтому в коллектив, где, как правило, все примерно одних способностей и притязаний, я вписывался с большим скрипом. Мне были одинаково отвратительны и массовые развлечения и общее дело.

В школе регулярно проводились субботники. Каждый раз мое участие в них заканчивалось конфликтом.

– Антонина Петровна, Степа ничего не делает, – жаловались тупые трудяги из числа сверстников. Впоследствии из большинства моих одноклассников получился отличный пролетариат. Жизнь обычно все расставляет по местам.

Несправедливость этого обвинения меня возмущала. Я стремился рационализировать процесс, облегчить им жизнь. А они, эти наглые тупицы, не желали затруднить себя малейшим умственным усилием.

Выработать навык руководителя не так-то просто. С годами я понял, что никто не любит команд свысока. Даже если ты на порядок умнее подчиненных, даже если желаешь им упростить задачу, они все равно вместо благодарности будут думать, что ты «раскомандовался». Но если с людьми ты на равных, демонстрируешь заинтересованность в деле, они готовы любую твою инициативу (даже самую дурацкую) воплотить в жизнь.

– Вставайте в цепочку, – кричал я участникам детского субботника, – так мы быстрее переложим все кирпичи.

Но на меня только косились угрюмо, и, кряхтя, их таскали. Раз за разом, работая ногами, а не мозгами, как выючные животные. Я ругал их почем свет стоит, называя «придурками». И отказывался действовать также тупо. Так что конфликт был неизбежен. Преподаватели тоже не желали оценить мои идеи. Им казалось, что я просто ленюсь. Так что любой субботник заканчивался обычно вызовом в школу родителей.

Но в школе я, по крайней мере, мог плюнуть на коллектив (чего делать, как известно, не стоит) – и уйти домой. А вот в пионерском лагере такой роскоши у меня не было. Хотя я и там умудрялся, – когда все и вся окончательно доставали, – вылезти в дырку в заборе, чтобы пойти погулять по яблоневому саду. Сад охранял седой усатый сторож с ружьем. Поначалу он собирался меня шугануть. Даже направил на меня ружье. Но потом мы разговорились и неожиданно подружились. Поэтому я был единственным из «отдыхающих» в лагере, кому разрешалось ходить по саду. Сторож даже угощал меня яблоками. И называл «малец». Он говорил, что я напоминаю ему сына. Сын сторожа давно вырос и уехал в город. К отцу он приезжал редко, о чем тот сильно горевал. Но сыном очень гордился.

– Он у меня этот... завсклада, – говорил он, – такой молодец!

Как же я ненавидел пионерский лагерь. Такие же чувства заключенный, должно быть, питает к тюрьме, где провел долгие годы. Меня вывезли из дома, где у меня была абсолютная свобода перемещений – но я все равно ходил гулять сам, один – в летний лагерь, обнесенный по периметру железной оградой. Выход за нее приравнивался к побегу. И я сознательно шел на побег, чтобы только почувствовать себя свободным человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.